

Завтрак с Дягилевым

История одной редакции

Кабаре-утренник с роялем и проектором.

Действующие лица:

ДЯГИЛЕВ, Сергей Павлович Дягилев, Сережа — высокий румяный брюнет, самую малость склонный к полноте. Крупная голова, в волосах справа седая прядь. На вид 25-30 лет. Барственные развязные жесты. Черный костюм с пиджаком-визиткой, под которым ослепительно белая рубашка. Малиновый халат. Пальто и цилиндр. (Актер должен уметь играть на рояле и петь)

ФИЛОСОФОВ, Дмитрий Владимирович Философов (ударение в фамилии на второе О ФилосОфов), Дима — высокий изящный блондин. Холодные голубые глаза. Длинные пальцы. На вид 25-30 лет. Аристократичные сдержанные жесты. Серый костюм. (Актер может не уметь петь, но ему придется)

БЕНУА, Александр Николаевич Бенуа, Шура, Шуринька — сутулый брюнет среднего роста, в очках, с неухоженной бородой. Волосы несколько отросшие, растрепанные, с залысинами. В чем-то коричневом, бархатном или вельветовом. Возраст неопределенный, возможно выглядит старше своих 30-ти. Жесты широкие, размашистые, уверенные. (Актер должен уметь петь или хотя бы говорить речитативом)

БАКСТ, Лев Семенович//Самойлович//Израилевич Бакст//Розенберг, Лева, Левушка — невысокий, рыжий, кудрявый, в очках, с красиво ухоженными закрученными усами. Возраст слегка за 30. Очень мягкие вкрадчивые жесты. Клетчатый костюм. (Актер должен уметь петь хотя бы немного)

СЕРОВ, Валентин Александрович Серов, Антон, Тоша — невысокий коренастый, русский. С аккуратно подстриженной бородой. Возраст на вид ближе к 40. Скромный серый костюм. (Актер должен уметь петь хотя бы немного)

СОМОВ Костантин Андреевич Сомов, Костя — невысокий, в меру упитанный, брюнет, с грустными карими глазами и обаянием Джона Ватсона. (Актер должен уметь играть на рояле и петь).

НУВЕЛЬ Вальтер Нувель (ударение в фамилии на второй слог — НувЕль, «е» читается как «э») — Валя, Валичка. Невысокий, худощавый, русский с усами. (Актер должен уметь играть на рояле и петь).

ГИППИУС Зинаида Николаевна Гиппиус, Зина, Зинавья — высокая худая дама, в облаке рыжих волос. Белое платье. Черный брючный костюм. (Актриса должна уметь петь и в идеале играть на гитаре).

НЯНЯ Авдотья Александровна Зуева — крошечная круглая старушка в черном. Может присутствовать в редакции и в те моменты, когда это не указано в пьесе: что-то поправляет, протирает, перекладывает (кроме эпизодов, когда по смыслу поздний вечер и ночь — тогда ее нет, потому что она спит). Если герои ругаются, она переживает. Может что-то постоянно бухтеть себе под нос. Дягилев в любой момент может ее схватить, потискать и поставить обратно. Если кто-то приходит в редакцию, а няня присутствует, то персонаж здоровается с ней за руку.

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич, муж Гиппиус — щуплый невысокий мужчина примерно 35 лет, брюнет с бородой. Роль без слов.

СЕКРЕТАРЬ — симпатичный молодой мужчина, лет 20-ти. До того, как он появится в сюжете, может быть в массовке.

НЕВЕСТА — будущая жена Бакста (Любовь Павловна Гриценко, урожд. Третьякова), не очень молодая и не ослепительно красивая дама. До того, как она появится в сюжете, может быть в массовке.

Массовка (8-10 человек): публика в ресторане, врачи, светские дамы и господа, официанты, рабочие, критики. Их могут играть и участники основного состава, если они не заняты в эпизоде в своей основной роли, используя очки, шляпы, парики.

Необходима возможность проецировать изображения картин и карикатур, упоминаемых героями, а также некоторые даты, факты и справочные сведения.

На сцене сбоку — рояль или фортепиано, несколько столов, много стульев, диван, мольберт с холстом на подрамнике (в глубине), картины, рамы на полу, ящики с бумагами. Все это должно быть возможно двигать и переставлять, чтобы менять локации по ходу действия (редакция, квартира Бенуа, квартира Мережковских, выставка, ресторан, вокзал). Кроме рояля, в идеале действие сопровождается небольшой оркестрик с живыми инструментами: например, скрипка, аккордеон, ударные//перкуссия.

По структуре это мюзикл, потому что и в реальной жизни почти все герои пели и/или играли на музыкальных инструментах, и музыка была для них жизненно необходима. Песни выбраны исходя из характера и состояния героев в момент исполнения. Все песни нужно исполнять как романсы и ресторанные песни рубежа XIX-XX веков (независимо от того, к какой эпохе и стилю принадлежит оригинал).

*Основное действие — события 1898-1906 года с некоторым количеством флешбеков.
Место действия: Петербург, в основном — квартира Дягилева (она же редакция журнала «Мир искусства»). Остальные места оговариваются в тексте отдельно.*

История строится вокруг любовного многоугольника и художественных противоречий, раздражающих редакцию изнутри, а также художественных побед и поражений объединения. В жизни Петербурга «Мир искусства» — декаденты и эстеты, одновременно противостоящие унылой рутине Академии и выходящим в тираж передвижникам. Дягилев и Философов — пара, и пока они вместе, это очень эффективная и пробивная команда. Но Философов нравится Гиппиус, у них общие литературные и религиозные интересы, а вот с остальной редакцией Философов часто в контрах. Бенуа влюблен в свою жену и в искусство, но теория у него пока получается лучше, чем практика. Сомов ненавидит Дягилева, потому что был близок с Философовым до приезда Дягилева в Петербург. Нувель тайно влюблен в Философова, общий лучший друг и хранитель секретов, но он же и сдает их

всех друг другу. Серов — честь и совесть команды. Бакст мечтает о деньгах и славе, но пока вынужден заниматься черновой ретушерской работой.

Журнал и выставки закончатся, пути Дягилева и Философова разойдутся окончательно, но конец этой истории — на самом деле начало новой, еще более громкой — Русских сезонов. А «Мир искусства» останется в жизни героев волшебным временем, когда жизнь была игрой и мир принадлежал им.

Упомянутые в тексте изображения:

https://drive.google.com/drive/folders/1iLsGV8LUU7mf0ZWn_ZgdcHsxTGMuuyjX?usp=sharing

Упомянутые в тексте песни и мелодии:

https://vk.com/music/playlist/720858_6_493c120c472247a571

Блог проекта «Завтрак с Дягилевым»

https://www.instagram.com/breakfast_with_diaghilev/

Пролог.

В начале столы сдвинуты в один длинный — за которым заседает редакция. Накрыт длинной темной скатертью. У стола — стулья (разные), скамейка-банкетка, возможно, с обратной стороны или на заднем плане — диван. В углу на переднем плане (просцениуме), близко к зрителям — кресло. В кресле сидит БЕНУА и читает (он там сидит еще задолго до начала, когда зрители рассаживаются).

Когда зрители уже более-менее расселись, Бенуа встает, подходит к зрителям, здоровается и представляется: с первыми рядами — за руку, задним — машет. Опоздавшим — помогает пройти на место, рассаживает.

БЕНУА: Здравствуйте, позвольте представиться, Александр Николаевич Бенуа. Бенуа, очень приятно. Здравствуйте, чудесный вечер. Проходите, пожалуйста. Здравствуйте, Бенуа, Александр Николаевич. Добрый вечер, Шура Бенуа. Проходите, располагайтесь. Здравствуйте, очень приятно. Александр Николаевич, можно Шуренька. Всем удобно? Итак, меня зовут Александр Николаевич Бенуа, можно Шура. Художник, Вот, смотрите, это я! *(в этот момент на экране появляется «Портрет А. Н. Бенуа» Л. С. Бакста, 1897г.)*

Фамилию Бенуа слышали? Мадонну Бенуа знаете? Ну, в Эрмитаже? Да? *(На экране появляется «Мадонна Бенуа»)*

Изумительно, правда? Это моему брату Леонтию на свадьбу папа его невесты подарил. А я ее возил искусствоведам европейским показывать. Сомневались, что Леонардо. А потом Беренсон подтвердил.

(На экране поверх картины или рядом появляется титр с цитатой: «В один несчастный день меня пригласили освидетельствовать «Мадонну Бенуа». На меня смотрела молодая женщина с лысым лбом и опухшими щеками, беззубой усмешкой, миопическими глазами и морщинистой шеей! Жутковатый призрак старухи играет с ребёнком: его лицо напоминает пустую маску, а к ней приделаны раздувшиеся тельце и конечности. Жалкие ручонки, бестолково-суетные складки кожи, цвет словно сыворотка. И всё же мне пришлось признать, что это ужасное создание принадлежит Леонардо да Винчи...» *Бернард Беренсон)*

И в Эрмитаж ее купили, да. А мой дедушка был архитектором! Альберт Кавос! И знаете что построил? Большой театр! И Мариинский тоже! Ну, это уже вместе с моим папой, Николаем Бенуа! Соответственно, своим зятем. Дедушка Кавос — это папа моей мамы... Вообще, у нас

много архитекторов, мои братья, например... Вот Леонтий тоже архитектор, и Альбер, и племянники, и... И еще скульпторы и художники... Лансере! А Зиночка Серебрякова — моя племянница, автопортрет — знаете же? Расчесывается она. *(Изображает позу из портрета, и жест расчесывания. «Автопортрет» Серебряковой появляется на экране)* Даже в метро! Станция «Достоевская», например! *(интерьеры этой и далее упоминаемых станций появляются на экране)* Это Зиночкин внук, значит, мой правнучатый племянник... или двоюродный правнук... Иван Николаев! И на Боровицкой — обратите внимание, там плиточки разные. На пряники похоже.. А еще Отрадное! Ну, это совсем странно, конечно. Оставим, пожалуй... Я, очевидно, должен представить вам мою собственную персону. Итак, кто такой Александр Николаевич Бенуа? Так уж вышло, что, когда речь заходит о роде деятельности какого бы то ни было лица, в истории остается что-то одно. И против моей фамилии вы чаще всего увидите слово «художник». Но я не согласен. Все гораздо сложнее. Я еще историк искусства, и постановщик в театре, и художественный критик, и журналист, и редактор. Я был редактором сразу двух художественных журналов, помогал руководить Художественным театром. Мне даже пришлось взять на себя управление одним самых значительных музеев в мире! *(спрашивает у публики)* Отгадайте каким? Конечно! Эрмитажем! Знаете, если бы я выбирал, что написать на визитной карточке, то там... Это очень трудно... Я бы написал просто: служитель Аполлона. Но это мне понятно, почему... А вот вам понятно? Понимаете, почему? Все эти сферы: искусство, театр, художество — они подчиняются его царству, царству Аполлона... то есть Феба. Феба-Аполлона... Аполлона и Феба... Это один и тот же бог, ну вы знаете, но...

Сзади неслышно подкрадывается Бакст

БАКСТ: Вы тут все не заснули? Я бы заснул.

БЕНУА: Леон Бакст! *(На экране появляется автопортрет Бакста в берете)* Он же Розенберг. Левушка, а ты все-таки Леон, или Лев Самойлович? Или Лев Семенович? Или Лев Израилевич?

БАКСТ: Я — Лев Бакст. К черту подробности.

БЕНУА: Человек, который мечтал стать самым знаменитым в мире художником!

БАКСТ: И стал! В какой-то момент ведь так и было. Ну, что ты там рассказывал про себя, служитель Аполлона?

БЕНУА: Собственно, я хочу рассказать не про себя, а про нас!

БАКСТ: Про нас — это про кого?

БЕНУА: Про нас. Про «Мир искусства».

БАКСТ: Ничего себе! Про мир искусства! Это же все равно, что «я хочу рассказать про всё»!

БЕНУА: Да нет. Ну ты же понял. «Мир искусства». Про нас. Это же мы. Ты, я... Сережа, Дима, Валичка, Костя... Мирискусники... О, вот и Костя!

(приходит СОМОВ)

БАКСТ: А мы думали, ты не придешь. Как обычно. Смотри, тут Шура собрался про нас рассказывать.

БЕНУА *(представляет Сомова публике, на экране появляется автопортрет Сомова 1898 г.):* Константин Андреевич Сомов!

СОМОВ: Зачем?

БЕНУА: Что значит зачем?

СОМОВ: Ну, вот это всё. Рассказывать. Жили. Рисовали. Умерли. Вот картины остались. В музеях висят. Достаточно же. Посмотрели — красиво. Дальше пошли. Разве важно, кто это нарисовал и почему?

БЕНУА: И это говорит человек, который практически вырос в Эрмитаже!

СОМОВ: Ну уж и вырос! Просто мой папа был старшим хранителем Эрмитажа. Двадцать лет.

БЕНУА: Конечно, важно, кто нарисовал и почему. Иначе что остается? Картинка на коробке конфет «Дама в голубом»? Знаешь, чего только про неё не написали и не напридумывали?

БАКСТ (*надувается от важности*): Как же! Непременно! Непременно нужно рассказывать! А если они не поймут! А если они забудут! Забудут меня! Льва Бакста! Величайшего художника своего времени!

БЕНУА: А главное, скромнейшего художника своего времени...

БАКСТ: Знаешь, Шура, когда речь идет о таланте, я даже осмелюсь утверждать: о гении, скромность только мешает. И потом, было время, когда это было правдой: кто, как не я, скромно делал всю эту черную работу, с утра до ночи, вся эта ретушь, эти виньетки...

Журнал — это буквально дело моих собственных рук! Вот этих самых рук!

БЕНУА: Подожди, мы еще не дошли до журнала...

Дима и Сережа

ДЯГИЛЕВ (*выходит из двери на задней стене и кричит в дверной проём*): Мы еще посмотрим, кто из нас будет более знаменитым!

(хлопает дверью, проходит на середину, садится за стол, сидит насупившись. Сомов как только заходит Дягилев, сразу уходит)

ДЯГИЛЕВ: (*Поворачивается к Бенуа*) Шура! Я передумал. Я не буду композитором. Я буду коллекционером. Представляешь: Музей Сержа Дягилева! (*делает жест, как будто видит вывеску*) Назначаю тебя смотрителем.

БЕНУА: Нет, ну, спасибо, конечно. Я предполагаю все-таки, что из меня получится художник. *Входит Философов со стопкой книг, садится рядом с Дягилевым.*

БЕНУА: Наши будущие редакторы журнала — Сергей Дягилев и Дмитрий Философов! (*Ударение в фамилии Философов. На экране появляются их портреты: «Портрет С.П. Дягилева» В.А. Серова, 1904 г., и «Портрет Д.В. Философова» Л. С. Бакста, 1897 г.*)

ДЯГИЛЕВ: Дима! Я передумал! Я не буду композитором!

ФИЛОСОФОВ: То есть Римский-Корсаков не был впечатлен твоими опусами?

ДЯГИЛЕВ: Ну... Я просто сам понял, что это не моё.

ФИЛОСОФОВ: Сам?

ДЯГИЛЕВ: Ну, он подтвердил. Так что я не буду композитором.

ФИЛОСОФОВ: Хорошо, Серёжа, только давай сначала ты закончишь университет, а потом не будешь, кем захочешь. Хочешь, не будешь композитором, хочешь, не будешь певцом. Даже можешь не быть юристом, но экзамены надо сдать. Вот смотри, Шура еще в прошлом году всё сдал, а юристом не стал.

БЕНУА: Я и не собирался становится юристом, ты же понимаешь, что это вынужденная мера. И вообще, многие художники сначала закончили юридический.

БАКСТ: Поленов!

ДЯГИЛЕВ: Грабарь!

БЕНУА: Врубель!

ФИЛОСОФОВ: Но потом они учились в Академии художеств.

БЕНУА: Что такое Академия? Это же прошлый век, косность, рутина, отжившее ремесленничество... Бакст поэтому оттуда и ушел, да, Левушка? Все говорят, что Академия ничего путного не дает... Хорошо, если имеющееся не отбирает... Я думаю, мы должны сами учиться, и главным образом на иностранных образцах. Нужно ехать в Париж, вот где истинное художество. Я тут разговаривал с княгиней Тенишевой, мне кажется, ей нужен смотритель для ее собрания, и я мог бы для нее в Париже...

ДЯГИЛЕВ: Значит для княгини Тенишевой ты мог бы смотрителем, а для Сержа Дягилева — извините...

ФИЛОСОФОВ: Шура хочет в Париж, у тебя есть деньги отправить Шуру в Париж? Нет? А у княгини Тенишевой есть. Зато у тебя есть римское право!

(ФИЛОСОФОВ подсовывает Дягилеву открытую книгу. Дягилев хватается за голову, пытается читать. Периодически что-то спрашивает у Философова, не слышно, что

именно. Вообще, видно что ему трудно и не интересно. Философов, напротив, полон спокойствия, что-то выписывает из другой книги, отвечает Дягилеву односложно).

БАКСТ: Не хочешь объяснить про них?

БЕНУА: Что? Они кузены. Ну, двоюродные братья. Мама Димы — старшая сестра Сережиного папы.

БАКСТ: Очень известная дама. Анна Павловна Философова. И активная. Организовала с подругами высшие женские курсы, помогала бедным и революционерам.

БЕНУА: Ага, при том, что ее муж, то есть Димин папа — главный прокурор. Ну вот. Поэтому, когда Сережа приехал в Петербург, нам пришлось всем с ним дружить, как с его родственником.

БАКСТ: И?

БЕНУА: И вот теперь он не хочет быть композитором.

БАКСТ: И что?

БЕНУА: Он хочет быть коллекционером.

БАКСТ: И?

БЕНУА: Ну вот смотри, есть Академия Художеств. Ты сам знаешь, как там все плохо. Что на их выставках? Вылизанные фигурки. Головки. Скучные пейзажи в итальянском духе. Все вот это красивенькое. А еще есть передвижники.

БАКСТ: У них все некрасивенькое. Вот как есть: крестьяне в лохмотьях, исправники, стриженные девицы, студенты в красных рубашках

БЕНУА: Пьяные священники...

БАКСТ: Это у них правда жизни... Но есть же и еще художники! Которых не возьмут ни академики, ни передвижники. Например, я! И Костя. И ты.

Приходит НУВЕЛЬ.

НУВЕЛЬ: Вам просто нужна своя выставка!

БЕНУА (*представляет его публике*): Вальтер Нувель! (*На экране появляется «Портрет В. Ф. Нувеля» Льва Бакста*)

НУВЕЛЬ: Можно просто Валичка.

БЕНУА: Валичка у нас... У нас... Вот как объяснить, кто ты?

НУВЕЛЬ: Пока я вот... работаю в канцелярии министерства... Просто чиновник... Немного играю, немного сочиняю... Могу писать. Могу не писать.

БЕНУА: Вот! Писать! Если бы у нас был свой журнал, то мы могли бы в нем показывать все новое и свежее в искусстве! И не только новое! И отечественное, и заграничное.

БАКСТ: Да! Графику!

НУВЕЛЬ: Бердслея!

БЕНУА: Восемнадцатый век!

БАКСТ: Японцев!

НУВЕЛЬ: Скурильщину!

БЕНУА: Скурильщину?

БАКСТ: Конечно! Все скурильное

БЕНУА (*публике*): Скурильное — это наше словечко. Оно означает странное, но интересное, нелепое, смешное или...или неприличное...

НУВЕЛЬ: Не или, а и! Вот как у Кости Сомова получается.

БАКСТ: Ты считаешь, у Кости получается нелепо и неприлично?

НУВЕЛЬ: Да нет же! У него получается красиво, но странно, и немного нелепо и...

БАКСТ: И иногда очень неприлично!

БЕНУА (*на фоне предыдущих реплик, мечтательно*): Ведь нет у нас художественного журнала? Вот в Европе есть — Студио, Пан, Югенд! А у нас что?

ДЯГИЛЕВ (*до этого безучастный, выныривает из книги*): Журнал! Шура! Нам просто нужен журнал! Организуем журнал, и в нем сразу всем все объясним! Люди поймут, что они любят искусство неправильно. А мы знаем как правильно, и объясним в журнале! Очень просто.

(вскакивает и начинает метаться) Даже так: сначала сделаем выставку, чтобы показать, каким должно быть искусство...

Выставка русских и финляндских художников

БЕНУА: Наша первая выставка...

ДЯГИЛЕВ: ... это была моя третья!

БЕНУА: ...русских и финляндских художников...

ДЯГИЛЕВ: Я еще сделал две до этого — английскую и скандинавскую. А еще я писал статьи!

БЕНУА: Давай почитаем, что ты писал? «...это так восхитительно, что невозможно не восхищаться...»

ДЯГИЛЕВ: Главное! У нас будет... *(торжественная пауза, предвкушение)* ...Врубель! Я все устроил!

(на задник проецируется панно «Утро» М. А. Врубеля, 1897)

ФИЛОСОФОВ *(все это время он так и сидел, погруженный в книгу)*: ...Нееет...

ДЯГИЛЕВ: Даааа!!! Это же гвоздь! 40 квадратных аршин! Это панно для готического особняка Морозова. Заказчики отказались, Врубель уже изничтожить хотел... Я еле уговорил! Так что нам повезло!

БАКСТ: Б-б-б..б-б-б...

ДЯГИЛЕВ *(с энтузиазмом)*: Божественно?

БАКСТ: Б-б-бл.. Блекловато...

БЕНУА: Но ведь Врубель... Но нам же говорили, что он мастер рисунка... что он рисует как Энгр... звучные сочетания... бесподобные краски... блестящий колорит... где это всё?

ДЯГИЛЕВ *(пропустив мимо ушей основную часть тирады Бенуа)*: Как Энгр! Да! Отлично!

Шура, так и скажи княгине — как Энгр! Готов спорить, она купит! Повесим напротив Галлена. Галлен и Врубель. Это будет два гвоздя!

БЕНУА: Ну, надеюсь, все у вас пройдет удачно, а мне пора в Париж. Семейство уже заждалось! *(Бенуа снова усаживается в кресло на переднем плане и дремлет там или увлеченно читает)*

Зальцбург

НУВЕЛЬ *(зачитывает из газеты)*: «Поищем глазами, чему дано первое, главное место в этой зале, что пользуется наивысшей симпатией распорядителя? Это — картина господина Врубеля. Картина эта огромна. Дело происходит в лесу, но в таком лесу, где ровно ничего разобрать нельзя, кроме зелени, словно пролитой из ведра по холсту и размазанной щетками. Ни деревьев, ни ветвей, ни листьев, ни корней, ни разнообразных планов, ни перспективы какой-нибудь, ни близости, ни удаления — ничего подобного тут нет, а только находятся какие-то очень плохие женские фигуры, едва-едва различимые. Кто разберет, кто объяснит эту невероятную чепуху?... Сколько ее ни рассматривайте, и прямо, и сбоку, и снизу, и сверху, пожалуй, даже хотя сзади — все равно везде одна чепуха, чепуха и чепуха, — безобразие, безобразие и безобразие. Казалось бы, кому этот невероятный вздор нужен? Но нет, под картиной стоит билетик: "продано"» *(комментирует от себя)* Ну да, Тенишева купила...

Дягилев влетает и бросает на стол журнал

ДЯГИЛЕВ: Полюбуйтесь!

(проецируется карикатура «Зальцбург» Щербова, журнал «Шут»)

НУВЕЛЬ: О, это же ты! И княгиня Тенишева! Похожа! Княгиня Тенишева покупает у тебя... Врубеля?

ДЯГИЛЕВ: Да, там даже написано, одеяло в рубль. Каламбур, понимаешь ли... Игра слов.

НУВЕЛЬ: А Зальцбург почему? А, Соляной город! Потому что выставка в Соляном переулке! Думаешь, княгине очень не понравится? А ты читал, что Стасов написал?

ДЯГИЛЕВ: Нет еще.

НУВЕЛЬ (*протягивает ему газету*): Вот, насладись.

ДЯГИЛЕВ (*сначала выдает нечленораздельные возгласы возмущения*): Он нас обозвал декадентами! А меня еще и декадентским старостой! Мы тут боремся с их упадком в живописи, и мы же — декаденты!

Входят Философов и Серов.

ФИЛОСОФОВ: Знакомьтесь, Валентин Александрович Серов. Это Сережа, я рассказывал. А это Вальтер Нувель, Валичка.

НУВЕЛЬ: О! Валентин Александрович! Нам очень нравится ваша «Девушка, освещённая солнцем».

ДЯГИЛЕВ: Про которую кто-то сказал, что у нее сифи... Извините. Мы так не думаем! *Философов делает жест рука-лицо*

СЕРОВ (*пожимает руки обоим*): Можно Антон. Не удивляйтесь, Антоном меня дома зовут с детства, и вот прижилось. Я только что с вашей выставки. Впечатление отличное! Такой свежестью повеяло!

ДЯГИЛЕВ: А мы тут как раз Стасова читаем, он, наоборот, пишет, что у нас на выставке болото. И вообще назвал нас декадентами! А меня...

ФИЛОСОФОВ: А тебя декадентским старостой. Я уже читал. Теперь приклеится, даже не сомневайся! Расскажи лучше, какой мы журнал хотим делать...

Они разговаривают, но мы не слышим (играет музыка). Приходят Бакст. Он тоже знакомится с Серовым, пожимают руки. Рассаживаются вокруг стола.

Журнал

ДЯГИЛЕВ: Итак. Самое главное! Княгиня Тенишева тоже хочет издавать журнал! И Савва Мамонтов хочет журнал. И! Они готовы его финансировать! Попролам. Денег дают! Как назовем? Ваши идеи?

НУВЕЛЬ: Искусство?

БАКСТ: Чистое искусство!

ФИЛОСОФОВ: Вперед, искусство!

НУВЕЛЬ: Назад, декаденство!

БАКСТ: Художество...

НУВЕЛЬ: Чурило Пленкович!

ДЯГИЛЕВ: Чего? Кто?

НУВЕЛЬ: Это богатырь такой. Ну, это богатырь — эстет.

ДЯГИЛЕВ: Скажи еще, богатырь-декадент!

СЕРОВ: Сережа, а ты уверен, что они хотят тот же журнал, что и мы?

НУВЕЛЬ: Мамонтов, небось, спит и видит там свои горшки, а княгиня — свои вышивки и балалайки.

БАКСТ: Они бы с удовольствием назвали журнал «Пособие русскому мастеровому»

ДЯГИЛЕВ: Ну и что? Чем они мешают? В журнал все поместится.

БАКСТ: То есть? Тут Бердслей, а рядом балалайки? В нашем эстетическом журнале? Который должен диктовать самое передовое...

ФИЛОСОФОВ: Левушка, подожди, Бердслей — это еще рано. В начале нужно приручить публику, знаешь, приласкать... Чтобы читатели привыкли...

БАКСТ: И что ты предлагаешь?

ФИЛОСОФОВ: Васнецов. Сережа договорился насчет его новой картины, «Богатыри».

НУВЕЛЬ (*с хохотом*): Богатыри! И вы еще не хотите называть журнал «Чурило Пленкович»! Васнецов и балалайки, Левушка! Передовой художественный журнал!

БАКСТ: Я тогда не понимаю, зачем вообще это всё... Это же выходит, у нас точно такой же журнал получается, как у Общества поощрения художеств. Это их унылое... «Искусство и художественная промышленность».

НУВЕЛЬ: Унылое искусство и унылая художественная промышленность! Больше того, Левушка, они сами хотели напечатать этих «Богатырей», но Сережа их обогнал!

ДЯГИЛЕВ: Слушайте, это же только для первого номера! Обещаю, во втором номере будет Бердслей! (*Философов закатывает глаза*) Да, Дима, будет! И Пюви де Шаванн! И любимые Шурины «Смольнянки» Левицкого!

НУВЕЛЬ: Подождите, я вам сейчас прочитаю, что мне Шура написал! (*достает письмо из кармана, разворачивает и читает*) «Года три назад я бредил о художественном журнале... но с тех пор я охладел к самой мысли об издании журнала. По самой своей натуре — журнал есть опошление. В то же время я не должен забывать, что есть люди, молодые художники, которым журнал может принести существенную пользу. Поэтому принципиально я за журнал. Но от этого до теплого к нему отношения далеко. Будь я в Петербурге, с вами, разумеется, мой лед под ударами дебатов (каков образ!) расколосся бы. Но здесь, вдали от всех, лед толстеет и крепнет».

ДЯГИЛЕВ: Опошление?! Шура!

БЕНУА (*словно просыпаясь, из кресла*): Что?

ДЯГИЛЕВ: Это правда?

БЕНУА: Валичка же прочитал тебе!

ДЯГИЛЕВ: То есть мы тут ждем твои статьи, а у тебя там лед крепнет? Шура! Журнал — это же твоя собственная идея! (*вскакивает и начинает петь*)

Все, что тебя касается
(гр. Звери. Автор текста и музыки – Роман Билык)

ДЯГИЛЕВ:

Какие мысли, какие сюжеты,
Ещё чуть-чуть, и посыпятся звёзды,
В карманах медленно тают конфеты,
Мы понимаем, что это серьёзно.
Не надо думать, что всё обойдётся,
Не напрягайся, не думай об этом,
Всё будет круто, всё перевернётся,
А-а-а-а-а-а-а-а....
Всё, что тебя касается,
Всё что меня касается
Всё только начинается, на-чи-на-е-тся...
Всё, что тебя касается,
Всё что меня касается
Всё только начинается, на-чи-на-е-тся...
Ты задеваешь меня за живое,
Давай сейчас, а потом ещё ночью,
Ты будешь рядом, ты будешь со мною,
И между нами любовь – это точно.

Не надо думать, что всё обойдётся,
Не напрягайся, не думай об этом,
Всё будет круто, всё перевернётся,
А-а-а-а-а-а-а-а....
Всё, что тебя касается,
Всё что меня касается
Всё только начинается, на-чи-на-е-тся...

Во время песни Дягилев бегает вокруг Бенуа и всячески его тормозит. В конце просто трясет, взяв за лацканы. Потом отпускает лацканы, отряхивает и расправляет пиджак Бенуа. Бенуа возвращается в кресло.

ДЯГИЛЕВ: Я пытался. Честно. Шура, если ты нам ничего не напишешь, то я вообще не знаю.

БЕНУА: Возрождение!

ДЯГИЛЕВ: Что возрождение?

БЕНУА: Название. Для журнала.

ДЯГИЛЕВ: Как вариант... (возвращается за стол)

Входит Гиппиус. К ней тут же подлетает Бакст, целует руку и начинает ее всячески обхаживать. Гиппиус довольно высокомерно его игнорирует.

ДЯГИЛЕВ (громко шипит Философову): Это что, Гиппиус? А она зачем пришла?

ФИЛОСОФОВ: Я позвал. В литературный отдел.

ДЯГИЛЕВ: То есть мы сначала долго объясняем, что не декаденты, а потом тут же их печатаем? (встает и идет навстречу Гиппиус с широкой гостеприимной улыбкой)

ДЯГИЛЕВ: Зинаида Николаевна, рад приветствовать вас в нашей скромной редакции!

Гиппиус достает лорнет и пристально смотрит на Дягилева сквозь него.

ГИППИУС: А у вас вот эта седая прядь настоящая? Пикантно.

ДЯГИЛЕВ: Да, с детства. Располагайтесь. (делает приглашающий жест)

Гиппиус тут же садится рядом с Философовым, на тот самый стул, на котором до этого сидел Дягилев. Дягилев несколько обескуражен. Затемнение.

Первый номер

В редакции. За столом сидят Нувель, Серов, Сомов, Бакст.

Заходят Дягилев и Философов со свертком, который они несут бережно, и обращаются с ним как с младенцем. Они сначала проходят перед сценой и останавливаются посередине. Смотрят на сверток с умилением. При этом перешептываются и хихикают. Потом заходят в редакцию и кладут сверток на середину стола.

БАКСТ: Друзья, торжественный момент! Прошу всех встать!.

ФИЛОСОФОВ: Ой, Левушка, не надо...

БАКСТ: Надо, Дима! Сейчас не понимаешь, потом поймешь!

Все встают. Дягилев разворачивает сверток и раскладывает на столе журналы. Все их разбирают и берут в руки.

На экран проецируется обложка первого номера.

БАКСТ: Б-б-б..б-б-б...

ДЯГИЛЕВ (с энтузиазмом): Божественно?

БАКСТ: Б-б-бл.. Блекловато...

Все погружаются в перелистывание, чтение и рассматривание журнала.

На передний план выходит ПУБЛИКА: несколько дам и господ. Они почти все держат в руках по журналу и обсуждают его.

ПЕРВАЯ ДАМА: Вы читали этот ужасный декадентский журнал?

ВТОРАЯ ДАМА: Представляете, что они написали про Верещагина? Что его выставка — неприятный сюрприз! Для Англии! Подумать только!

ПЕРВЫЙ ГОСПОДИН: А вот это! (*зачитывает*) «Нас называли детьми упадка, и мы хладнокровно и согбенно выносим бессмысленное и оскорбительное название декадентов. Но мне хочется спросить, где ж тот расцвет, тот апогей нашего искусства, с которого мы стремительно идем к бездне разложения?» Слышите? Он спрашивает, где апогей!

ВТОРОЙ ГОСПОДИН: Кто это пишет?

ТРЕТИЙ ГОСПОДИН: Некий Дягилев.

ВТОРОЙ ГОСПОДИН: Кто это такой? И что он о себе возомнил?

ПЕРВЫЙ ГОСПОДИН: Это декадентство все оттуда, с Запада, из Европы навезли. Там такое уже никому не надо, вот и тащат сюда.

Публика постепенно расходится

В редакции сидит один Дягилев. Заходит БЕНУА

ДЯГИЛЕВ: Шура, ты приехал?

БЕНУА: Папа же умер. Я на похороны, и вот к вам теперь.

ДЯГИЛЕВ: Ох, да. Соболезную (*подходит и обнимает*)

Они опускают головы, скорбят несколько мгновений.

БЕНУА: А зачем вы столько Васнецова в первый номер запихали?

ДЯГИЛЕВ: Ну...

БЕНУА: А, понятно, Диме нравится!

ДЯГИЛЕВ: Это же только первый номер. Вот, смотри, второй только что привезли, тебе точно понравится! (*протягивает журнал*) Смотри, тут сразу Левицкий! Смольнянки!

БЕНУА (*листает*): А статья моя где?

ДЯГИЛЕВ: Слушай, статью мы пока не возьмем. И вторую тоже. Ну, они не совсем...

БЕНУА: Что не совсем?

ДЯГИЛЕВ: Не совсем подходят...

БЕНУА: К чему не подходят?

ДЯГИЛЕВ: К журналу.

БЕНУА: То есть как? Как моя статья может не подходить к нашему журналу? Кто это решает?

ДЯГИЛЕВ: Мы.

БЕНУА: Что значит «мы»?

ДЯГИЛЕВ: Ну..

БЕНУА: Ты и Дима?

ДЯГИЛЕВ: Да. Я и Дима.

БЕНУА: Почему?

ДЯГИЛЕВ: Потому что это наш журнал.

БЕНУА: Ах, извините! Ваш? То есть я все это придумал, а вы...

ДЯГИЛЕВ: Потому что мы делаем этот журнал, Шура. Вот это всё, оно не само делается.

Пока ты там в Париже водил княгинь в магазин за панталонами,

БЕНУА (*пытается протестовать*): Да это они меня везде таскали!

ДЯГИЛЕВ: Мы тут вычитывали статьи, искали шрифты, ругались с наборщиками и ночевали в типографии. Мы делали журнал, понимаешь, Шура? Наш журнал.

БЕНУА (*как рыба открывает и закрывает рот некоторое время, наконец находит слова*):

Ну знаешь... Я никогда... Чтобы... Раз это ваш журнал, то я устраниюсь! И в вашей выставке я тоже участвовать не буду!

(выбегает, почти столкнувшись в дверях с Философовым)

ФИЛОСОФОВ: А куда Шура побежал?

ДЯГИЛЕВ *виновато молчит и смотрит в сторону*

ФИЛОСОФОВ: Понятно. Шура обиделся. И что ты ему сказал?

ДЯГИЛЕВ: Про статьи. Теперь надо с ним как-то помириться. А то он не даст нам свои картины на выставку. Давай ты помиришься. У тебя лучше получится.

Первая международная выставка картин журнала «Мир искусства», 1899

На экран проецируется картина Марии Якунчиковой-Вебер «Чехлы», 1897г.

НУВЕЛЬ (*зачитывает из газеты*): «Всех этих Бакстов, Бенуа, Боткиных, Сомовых, Малютиных, Головиных с их безобразиями и разбирать-то не стоит. Они отталкивают от себя здорового человека, как старинные парижские «прокаженные» бедного Пьера Гренгуара. Но едва ли не всего хуже — иные из этюдов и набросков г-жи Якунчиковой. Ее картинка «Чехлы» — просто скандал!» (*смотрит на картину на экране*) Ну не знаю, чехлы и чехлы.

Входит Серов

СЕРОВ: А эти где?

НУВЕЛЬ: Поехали разбираться к Буренину.

БЕНУА: Зачем?

НУВЕЛЬ: Да опять он понаписал в этом своем «Новом времени»... Я тебе сейчас прочитаю (*откладывает одну газету и берет другую*): «Не знаю, к разряду Митрофанушек, падких до всяких запоздалых европейских и особенно французских мод, или к числу шарлатанящих дилетантов принадлежит г. Дягилев, издатель „Мира искусств“. Но несомненно, что этот выскочка — дилетант самый комический, хотя в то же время и самый развязный из современных непризванных судей искусства. Ведь не кто иной, как Дягилев, проповедует декадентщину с „ученым видом знатока“ и содействует торгашеской рекламе в искусстве». Вот, поехали проповедовать декадентщину.

СЕРОВ: К Буренину и я бы поехал!

НУВЕЛЬ: А Стасов назвал нашу выставку «Подворьем прокаженных»! Но к нему они почему-то не поехали. Уважают! Возраст. И он друг Диминой мамы. И Димин начальник в библиотеке. Хотя, в прошлый раз Дягилев накатал ему ответ. Дерзкий! Но его никто не хотел печатать. И знаешь что?

СЕРОВ: Что?

НУВЕЛЬ: Сережа поехал прямо к нему и уговаривал Стасова, чтобы Стасов сам просил редакторов напечатать! Вот гусь!

СЕРОВ: Уговорил?

НУВЕЛЬ: Не поверишь, да! Стасов возмутился, но пытался потом договориться, чтобы напечатали. Но не напечатали.

Вваливаются хохочущие Дягилев и Философов.

НУВЕЛЬ: Ну что, начистили рыло Буренину?

ДЯГИЛЕВ: Конечно, все хотят дать Буренину в морду... Я, собственно, думал... Но решил воспользоваться цилиндром... Это был чистый экспромт!

ФИЛОСОФОВ: Все, у Сережи больше нет цилиндра!

НУВЕЛЬ: А где он?

ФИЛОСОФОВ: Он застрял! На голове у Буренина! Вот до сюда! (*показывает, что до плеч*)

СЕРОВ: Однако! Так ведь правду ваш Буренин написал, получается: самый развязный из современных выскочек!

ДЯГИЛЕВ: И горжусь!

Идиллия

В редакции все те же. Входят Бакст и Бенуа.

БАКСТ: Шура вернулся! В Петербург! Насовсем!

БЕНУА: Все, я уволился.

ДЯГИЛЕВ: Уволился? От Тенишевой?

БЕНУА: Да.

ДЯГИЛЕВ: Скажи честно, вы с ней поссорились?

БЕНУА: Ну... В общем, да.

ДЯГИЛЕВ: Это плохо. Потому что вот.

На экран проецируется карикатура «Идиллия» Щербова

НУВЕЛЬ: Это корова что ли Тенишева? Похожа! А это Сережа? Похож! А это Дима? Ну, не очень.

СЕРОВ: А там кто, Репин? А вышивает Нестеров?

ФИЛОСОФОВ: Еще вон, мамонт спешит не доенный.

БАКСТ: Мамонтов, стало быть... А петух, который клюет навоз...

ДЯГИЛЕВ: Да, Левушка! Это ты!

БАКСТ: Ну знаете!

ФИЛОСОФОВ: Боюсь, если одеяло ценой в рубль Тенишева еще простила, то корову она вряд ли простит.

БАКСТ: Я тоже не прощу!

ФИЛОСОФОВ: Да, но ты то не забереешь свою долю... А вот княгиня...

ДЯГИЛЕВ: Обойдется, Дима!

ФИЛОСОФОВ: Сомневаюсь, Сережа!

(постепенно все расходятся)

Чиновник особых поручений

В редакции. Заходит Философов и начинает наводить порядок на столе. Заходит Дягилев.

ФИЛОСОФОВ: Ты не видел счета? Вот тут у меня лежала стопка. Может, няня убрала?

Няня!

ДЯГИЛЕВ: Только не ори на нее!

Заходит няня.

НЯНЯ: Ничего я не трогала!

ФИЛОСОФОВ: Вот тут не трогала?

НЯНЯ: Ну может, бумажку какую выбросила. Грязные же бумажки!

ФИЛОСОФОВ: Авдотья Александровна! Я же сто раз просил ничего не трогать!

ДЯГИЛЕВ: Дима, не смей орать! *(тут же орет сам)* Няня, мы же сто раз просили ничего не трогать!

НЯНЯ: Да не нужны мне ваши бумажки! Вам лишь бы грязь развести! *(бурчит себе что-то под нос и уходит)*

ДЯГИЛЕВ: Дима! У меня отличная новость, даже две! Волконский назначен директором императорских театров. И берет нас на работу!

ФИЛОСОФОВ: Нас?

ДЯГИЛЕВ: Сначала меня... Пока что... А потом тебя тоже, и потом еще Шуру, и Левушку и...

ФИЛОСОФОВ: И кем же он тебя берет?

ДЯГИЛЕВ: Чиновником особых поручений! При театральной дирекции! Восхитительно!

ФИЛОСОФОВ: Без зарплаты?

ДЯГИЛЕВ: Ну, да, пока что...

ФИЛОСОФОВ: Особые поручения без особой зарплаты

ДЯГИЛЕВ: Но это же только начало!

ФИЛОСОФОВ: А в конце ты уже сам будешь директором?

ДЯГИЛЕВ: Это мы ещё посмотрим...

ФИЛОСОФОВ: Где-то я это уже слышал... У меня тоже есть новости, даже три: плохая, ещё

хуже, совсем плохая. Пришли счета из типографии. Мамонтов банкрот. Тенишева отказалась от издания. Сережа, у нас нет денег! Где мы их возьмем? Что мы будем делать с журналом?

ДЯГИЛЕВ: Попросим у Остроухова!

ФИЛОСОФОВ: Не даст. Он же до сих пор обижается за картину. Ту, Врубелевскую, которую Бакст испортил.

ДЯГИЛЕВ: Не испортил, а поправил!

ФИЛОСОФОВ: Остроухов с тобой не согласен. Не даст.

ДЯГИЛЕВ: Мы попросим Серова!

ФИЛОСОФОВ: Чтобы он уговорил Остроухова? А до этого попросим Шуру уговорить Серова? А Валичка будет уговаривать Шуру?

ДЯГИЛЕВ: Ладно, ладно, я сам напишу.

ФИЛОСОФОВ: Ничего не выйдет.

ДЯГИЛЕВ: Дима, выйдет! Боткины же еще! И вообще не ной, а подумай, кому мы можем пока не платить. И кому еще можно написать!

ФИЛОСОФОВ: Подписчикам, Серёжа! Что журнал — всё.

ДЯГИЛЕВ: Ладно, мне пора в дирекцию, устраивать наше будущее.

(уходит)

Философов остается один. Входит Гиппиус.

ГИППИУС: Я очень рада поговорить с вами наедине, Дмитрий Владимирович

ФИЛОСОФОВ: Я тоже... рад. Впрочем, едва ли это так нужно. Вы же знаете, я не держу от друзей секретов.

ГИППИУС: Тут совсем особый случай. Понимаете, это не только я так думаю. Это и мой муж... мы вместе с ним поняли, что, кроме вас, никто не подошел к нам так близко.

ФИЛОСОФОВ *(озадачен)*: Боюсь, я не совсем вас понимаю. Я разве куда-нибудь подходил?

ГИППИУС: Новая церковь!

ФИЛОСОФОВ *(явно предполагал всё, что угодно, только не это)*: Новая церковь? То есть, вы... Вы думаете, что я... Чтобы что?

ГИППИУС: Мы с Дмитрием Сергеевичем... Только вы, с вашим умом, с вашим тактом... Я прошу вас, вы должны подумать об этом. Но! Это тайна. Не говорите никому!

Входит Дягилев.

ГИППИУС: О, Сергей Павлович! Зашла попрощаться! Вы уже знаете, мы уезжаем на год за границу? Вот, хочу пожелать вам дальнейших успехов в издании... Пишите, издавайте, мы будем присылать... Дмитрий Владимирович, не забудьте, вы обещали!

Гиппиус выходит.

ДЯГИЛЕВ: Что ты ей обещал?

ФИЛОСОФОВ: Не знаю... Вроде ничего...

ДЯГИЛЕВ: А не говорить про что?

ФИЛОСОФОВ: Да чепуха какая-то. Новая церковь...

ДЯГИЛЕВ: Какая церковь?

ФИЛОСОФОВ: Новая!

ДЯГИЛЕВ: Зачем?

ФИЛОСОФОВ: Я не знаю! Просто забудь.

ДЯГИЛЕВ: Ладно. Тем более... Ух, Дима! Ты не поверишь! Теперь я редактор Ежегодника императорских театров!

ФИЛОСОФОВ: А! Еще одна работа за бесплатно?

ДЯГИЛЕВ: Почему? Две тысячи. Я уже все подписал!

ФИЛОСОФОВ: А «Мир искусства»?

ДЯГИЛЕВ: Ну... Ну мы придумаем что-нибудь. Вот сейчас выставка будет, и потом сразу придумаем. Наверное.

Вторая выставка картин журнала «Мир искусства», 1900

На стену проецируется «Дама в голубом» Константина Сомова. Сомов стоит рядом и его все поздравляют: пожимают руки, обнимают.

ДЯГИЛЕВ: Вот, Костя, я всегда, всегда в тебя верил! А теперь все к нам в редакцию! Нужно отметить!

В редакции. Все радостно, но хаотично общаются. Сомов подходит к роялю и начинает робко наигрывать начальные аккорды песни «Черная луна». Садится за рояль. Все погружаются в темноту, кроме Сомова за роялем и Философова в дальнем углу.

Черная луна

(гр. Агата Кристи. Музыка — Вадим Самойлов, стихи — Глеб Самойлов)

СОМОВ

Задумывая черные дела

На небе ухмыляется луна.

А звезды, будто мириады стрел.

Ловя на мушку силуэты снов,

Смеется и злорадствует любовь

И мы с тобой попали на прицел.

Я же своей рукою

Сердце твое прикрою —

Можешь лететь и не бояться больше ничего.

Сердце твое двулико,

Сверху оно набито

Мягкой травой, а снизу каменное, каменное дно.

Смотри же и глазам своим не верь —

На небе затаился черный зверь —

В глазах его я чувствую беду.

Не знал и не узнаю никогда

Зачем ему нужна твоя душа —

Она гореть не сможет и в аду.

Я же своей рукою

Сердце твое прикрою —

Можешь лететь и не бояться больше ничего.

Сердце твое двулико,

Сверху оно набито

Мягкой травой, а снизу каменное, каменное дно.

После конца песни Сомов незаметно выходит. Гости расходятся. Остается только Бакст.

ФИЛОСОФОВ: Левушка, можно тебя на минуточку?

БАКСТ: Дима, только не начинай...
ФИЛОСОФОВ: Сережа, смотри, а он знает!
ДЯГИЛЕВ: Знаешь, Левушка?
БАКСТ: О чем?
ДЯГИЛЕВ: Смотри, он не знает.
БАКСТ: Это не я.
ДЯГИЛЕВ: Что не ты?
БАКСТ: Вот это. Которое. Это я нет.
ФИЛОСОФОВ: То есть тайны дирекции своему брату-репортеру сливаешь не ты?
БАКСТ: Ну какие тайны, Дима? Ну это же слухи, все и так их знают.
ДЯГИЛЕВ: Теперь и правда все, Левушка.
ФИЛОСОФОВ: Благодаря тебе.
БАКСТ: Да почему обязательно сразу я? Да он сам всё узнал!
ФИЛОСОФОВ: Мы же тебя просили...
ДЯГИЛЕВ: И предупреждали... *(надвигаются)*
БАКСТ: Да я ничего особенного ему и не сказал! *(убегает вокруг стола)*
ФИЛОСОФОВ: Сколько раз мы его просили, Сережа?
ДЯГИЛЕВ: Я не считал, Дима, но много раз. *(окружают)*
БАКСТ: Да прям это такой вообще секрет, что Волконский...
ДЯГИЛЕВ: Ну?
БАКСТ: Да это же видно! Вон, и по вам тоже видно! Вы же тоже...
ДЯГИЛЕВ: Дима?
ФИЛОСОФОВ *(останавливается и складывает руки на груди)*: Ну давай, Левушка, договаривай!
БАКСТ: Педерасты!
ФИЛОСОФОВ: Молодец!
Дягилев и Философов сгрёбают Бакста и выталкивают за дверь. Затемнение

Письмо Сомова

В редакции. За столом Дягилев и Бакст. Бакст что-то увлеченно рисует. Заходит Бенуа.

БЕНУА: О, а Левушка уже тут? Он же только вчера весь день ходил, всем жаловался, как вы...

БАКСТ *(делает жест, чтобы Бенуа не продолжал)*

ДЯГИЛЕВ: Итак, следующий номер у нас сомовский. Шура, ты ведь принес статью?

БЕНУА: Конечно, вот *(показывает листы)*

Философов заходит и протягивает Дягилеву письмо.

ФИЛОСОФОВ: От Кости.

Дягилев разворачивает письмо. Смотрит в письмо, вытаращив глаза. В этот момент входит СОМОВ, подходит к Дягилеву, выдергивает письмо из рук и рвет его на мелкие клочки

СОМОВ: После вашего поступка с Бакстом прошу вас больше не считать меня в числе Ваших друзей и сотрудников! *(бросает клочки письма в лицо Дягилеву и выходит)*

ДЯГИЛЕВ *(вскакивает)*: Нет, ну почему он так? Мы же для него стараемся, Шура вон статью написал... Давайте вообще не будем делать номер этому... Этому... Косте!

ФИЛОСОФОВ: Сережа, подожди, сядь.

ДЯГИЛЕВ: Нет, ну правда, он все время так, ему всё не нравится... Костя возмутился, Костя недоволен, Костя запрещает...

ФИЛОСОФОВ: Сережа, мне кажется, ты не понимаешь...

ДЯГИЛЕВ: Конечно, не понимаю! Что я должен понимать? Что это всё потому, что вы в гимназии целовались?

ФИЛОСОФОВ: Шура?

БЕНУА: Дима?

ФИЛОСОФОВ: Это ты так сказал? Что мы с Костей в гимназии целовались?

БЕНУА: Я сказал, чуть ли НЕ целовались. Чуть ли. Не. Целовались.

ФИЛОСОФОВ: Спасибо, Шура.

БЕНУА: Пожалуйста, Дима.

(пауза)

ФИЛОСОФОВ: Это все потому, что мы тогда обсмеяли твой костюм из ковра?

БЕНУА: Из пледа! Ну да, он был слегка...

ФИЛОСОФОВ: Он был очень смешной! А ты злопамятный, Шуренька!

БЕНУА: Просто я всегда всё записываю.

ДЯГИЛЕВ: Это ты, конечно, молодец, Шура. Ладно, давай почитаем, что ты там написал про... про Костю.

Будни редакции — все выходят и приходят. Что-то приносят и раскладывают на столе. Дягилев и Философов сидят за столом посередине и выглядят все более встревоженными. Видно, что Философов что-то подсчитывает. Дягилев заглядывает в расчеты и хватается за голову. Философов откладывает ручку и пристально смотрит на Дягилева.

ФИЛОСОФОВ: Сережа, это конец. Надо закрывать журнал.

ДЯГИЛЕВ: Давай, я что-нибудь продам?

ФИЛОСОФОВ: Что ты продашь?

ДЯГИЛЕВ: Кресло. Оно ренессансное.

ФИЛОСОФОВ: Давай тебя женим на миллионерше, а?

ДЯГИЛЕВ: На ренессансной?

ФИЛОСОФОВ: На какой найдём.

Субсидия

Входит Серов, он невероятно весел и идет пританцовывая. Дягилев и Философов оборачиваются и смотрят на него в недоумении. Серов протанцовывает вдоль стола, достает из внутреннего кармана пиджака конверт и кладет на стол перед Дягилевым и Философовым. Серов, не переставая танцевать, делает жест, чтобы они открыли конверт и прочитали. Дягилев открывает, разворачивает лист, читает, меняется в лице — теперь он сияет. Кладет лист перед Философовым, встает со стула и идет танцевать с Серовым. ФИЛОСОФОВ (прочитал бумагу и очень удивлен): То есть ты, пока писал портрет царя, рассказал ему про журнал?

Серов кивает.

ФИЛОСОФОВ: И он выделил нам субсидию?

Серов снова кивает.

*Философов тоже встает и пританцовывает. Приходит Нувель. Философов показывает ему бумагу. Нувель тоже присоединяется к танцу. Приходит Бакст, сцена повторяется, затем Бенуа. Все добавляются по одному и в итоге ходят танцующим гуськом, периодически в ритм выкрикивая (на мотив **The Notorious B.I.G.**)*

ВСЕ (хором): Субсидия!

В разгар веселья в редакцию заходит Гиппиус. Гусек упирается в нее и рассыпается. Но все продолжают пританцовывать поодиночке, распределившись по сцене.

ГИППИУС: Рада, что вы все в таком настроении. Дмитрий Владимирович, а я к вам! Вот только что вернулись, и я сразу зашла!

Бакст и Нувель (особенно Бакст) усердно танцуют вокруг Гиппиус и оттирают ее от Философова. Но Гиппиус не сдается, и пробирается сквозь них к Философову.

БАКСТ: Зинаида Николаевна, мы так соскучились!

НУВЕЛЬ: Особенно я!

БАКСТ: Нет, я!

ГИППИУС: Дмитрий Владимирович! Вы же помните, что вы мне обещали?

ФИЛОСОФОВ: Новая церковь?

ГИППИУС (*шипит*): Да, но не при всех же!

БАКСТ: Я тоже хочу в новую церковь, возьмите меня!

НУВЕЛЬ: И я! Мне старая совсем не нравится.

ГИППИУС (*в бешенстве*): Дима! Давайте поговорим где-нибудь без них (*показывает на Нувеля и Бакста*)

ФИЛОСОФОВ: Хорошо! (*берет ее за руку, они идут к краю сцены и садятся там*)

На заднем плане продолжают танцы. Дягилев пританцовывает к Нувелю и Баксту, они что-то обсуждают, показывая на Гиппиус и Философова.

ГИППИУС: Дима! Можно мы будем на ты?

Философов не успевает ничего ответить

ГИППИУС: Так вот, Дима! Весь этот год я думала... Каждый день... Только ты с твоим тактом, с твоим умом... Ты такой тонкий, такой понимающий. Я чувствую в тебе родственную душу. А я ведь никогда не ошибаюсь! Дима, это очень серьезно! Приходи к нам, пожалуйста! Только один, ладно? Дмитрий Сергеевич тебя тоже очень ждет! Придешь? Обещаешь? (*на этих словах рядом с Гиппиус садится Дягилев, и смотрит на Философова с тем же ожидающим выражением, что и она.*)

ФИЛОСОФОВ: Я постараюсь (*встает*). Я вас провожу, Зинаида Николаевна!

Дягилев беззвучно спрашивает, что ей нужно? Философов отмахивается и выходит вместе с Гиппиус. Все остальные постепенно расходятся.

Переезд

В редакции. Заходят Дягилев и Философов. Они несут ящики. Начинают в них складывать бумаги, альбомы — все, что у них разложено на столе и вокруг.

ДЯГИЛЕВ: Дима, ты не представляешь себе, какой восторг у всех вызвал Ежегодник! Это триумф! Сам государь восхищался! Вот теперь-то мы развернемся! Думаю, можно уже думать про еще один журнал!

ФИЛОСОФОВ: Сережа, куда мы развернемся? Какой второй журнал? Мы и с этим постоянно опаздываем. У нас хоть один номер вышел в срок?

ДЯГИЛЕВ: У нас один номер вышел заранее!

ФИЛОСОФОВ: Сережа! Это был первый номер!

Дягилев пожимает плечами.

ДЯГИЛЕВ: Ну всё равно, вот увидишь! Поставим «Сильвию» и...

ФИЛОСОФОВ: Сережа, «Сильвия» — это вилами по воде. Волконский ее сегодня дал, завтра забрал.

ДЯГИЛЕВ: Он не может! Мы уже два месяца над ней работаем!

ФИЛОСОФОВ: Ну смотри. Пока нет письменного предписания — это всё несерьезно.

ДЯГИЛЕВ: Дима!

ФИЛОСОФОВ: Я очень хочу надеяться, что я не прав.

ДЯГИЛЕВ: Ты вечно прав. И это очень обидно.

ФИЛОСОФОВ: С Академией же получилось! Выставка «Мира искусства» в залах Академии Художеств! Академики все локти себе перекусали, вместе с передвижниками. Стасов просто рвал и метал. Декаденты в Академии!

ДЯГИЛЕВ: Но какой ценой! Выставка зимой в Петербурге без электрического освещения! Это ведь академики пожаловались пожарным. Или сам Стасов пожаловался. Это все потому,

что я подрезал у них Левитана. Они, небось, сами планировали его посмертную выставку. А тут я. Ладно, мы все собрали?

ФИЛОСОФОВ: Тебе не жалко переезжать?

ДЯГИЛЕВ: Чуть-чуть. Но на Фонтанке, сам понимаешь, просторнее. И представительнее. И шикарнее. И вообще. Мы привыкнем. Пойдем?

(выходят)

После них заходят грузчики и уносят или сдвигают всю мебель.

Третья выставка картин журнала «Мир искусства», 1901

На экран проецируется несколько картин Левитана. Проходит Дягилев, Бенуа, Философов, Бакст, массовка.

В редакции. Грузчики снова ставят мебель обратно (но немного по-другому). На стол ставят несколько ящичков. Входят Дягилев и остальные.

ДЯГИЛЕВ: Еще беспорядок, но уже можно жить! Няня!

НЯНЯ: Чай скоро будет.

ДЯГИЛЕВ: Отлично!

БАКСТ: Так что насчет «Сильвии», Волконский подписал?

ДЯГИЛЕВ: Пока нет... Но... просто понимаешь, против него интриги. А тут еще мы... Надо немножко подождать

ФИЛОСОФОВ: А я говорил!

ДЯГИЛЕВ: Дима! Ну, правда, хватит! Мы разберемся!

Входит Нувель.

НУВЕЛЬ: А, вы уже все тут? А я вам тут «Шут» принес. Даже целых два. Щербов постарался. *(Протягивает журналы).*

На экран проецируются карикатуры Щербова «Новая Минерва (Сон в летнюю ночь)» и «Провинциал на выставке».

ДЯГИЛЕВ *(разглядывает карикатуры)*: Но вот это уже обидно!

НУВЕЛЬ: А про выставку смешно, по-моему. Смотри, он тут в каталоге Сомова назвал Содомовым, а Коровина — Гоморриным. И вон, Репин вместо сипая оберовского. Смешно же.

ДЯГИЛЕВ: Тебе смешно, потому что тебя не рисуют!

(постепенно все расходятся)

Увольнение

Утро в редакции. Входит Дягилев, сонный и в халате, в руках кофейная чашка с блюдцем. С другой стороны входит Философов, пытаясь вставить запонку в манжет. Дягилев молча протягивает ладонь. Философов кладет на нее запонки и по очереди подставляет манжеты. Дягилев вставляет в них запонки.

ФИЛОСОФОВ *(собираясь с силами)*: Сережа. Ты... Ты только... Не волнуйся...

ДЯГИЛЕВ: Что?!

ФИЛОСОФОВ: Не будет никакой «Сильвии». Там... в газете... в общем...

Дягилев хватает газету лежащую на столе.

ДЯГИЛЕВ: Где? *(читает)* «Чиновник особых поручений С. П. Дягилев увольняется без прошения и пенсии по третьему пункту!» *(мечется в ярости, рычит, швыряет чашку об стену)* Спокойно, Сережа, спокойно! Этого же не должно быть! Это нечестно! Они же

сказали, чтобы я даже в отставку не подавал! По третьему пункту! Да за что! *(выбегает, грохот за сценой, грохот повторяется несколько раз)*
Философов стоит на месте. Его передергивает. После третьей порции грохота уходит за Дягилевым. Затемнение.

В редакции. Выходит Философов. Приходят: Бенуа, Бакст, Серов, Нувель. Все спрашивают жестами «Ну как?». Философов отвечает жестом и мимикой: «ну так, не очень». Последним приходит Дягилев, он в халате и плохо выглядит, усталый и грустный.

ДЯГИЛЕВ: А что мы будем делать? Вот что я буду делать?

ФИЛОСОФОВ: Вот ты — книжку напишешь. Про Левицкого. Тебе же некогда было. Теперь есть когда. Журнал нормально будешь выпускать, вовремя.

ДЯГИЛЕВ: А помните, как вы все ко мне относились? Сережа — провинциал, да что он понимает, он же вчера из Перми! Ой, это кузен Димы, пусть посидит, так и быть, может поумнеет. Я же поумнел, а вы в меня не верили. И сейчас не верите. А я старался для вас!

БЕНУА: Сережа! И ты, Дима! Ну в конце концов, я не знаю... Вы же не понимаете простых вещей. Вот у меня... У меня жена! У меня дети! Уже почти трое... Нет, еще нет, но уже скоро... Я их всех должен кормить, я не могу про них не думать постоянно. Это вы вот можете сесть и думать: искусство... будущее... смысл... А я должен зарабатывать деньги! Я рисую не для удовольствия... Не только для... Ладно, я люблю рисовать. У меня не все получается. Я стараюсь. Но вы даже не рисуете!

ФИЛОСОФОВ: Шура, да ты бы молчал! Каждый, Шура, каждый из нас хотел бы быть на твоём месте! Понимаешь, это все так хотят! Ты же счастливчик! У тебя такие родители! Тебя так баловали! Ты же младшенький... У тебя такая семья! У тебя такая культура! Тебе всегда все просто давалось! У тебя такая жена!

БЕНУА: Да ты понимаешь, чего мне всё это стоит? Эта семья, где все, буквально все, талантливее меня? И вообще, ты сам младшенький!

ФИЛОСОФОВ: Но меня никто так не баловал! Меня не спрашивали: Дима, что ты хочешь? Мне просто говорили: Дима, ты идешь туда, ты идешь сюда! Понимаешь, у меня же мама общественница! Вот, Тоша, скажи ему. Твоя мама такая же. Композитор! А ты, Шура? Из под мамино крыла и под Атино крыло. Где Шура? Шура в домике, Шура под крылышком! Ты вообще не понимаешь, что это такое, когда всё не вращается вокруг тебя.

(Все время ссоры Серов очень внимательно всех слушает, но молчит)

БАКСТ: Нет, ну вы извините. Это просто смешно! Вы все настолько благополучные, что вы вообще знаете о жизни? Вы же никогда, никогда, по настоящему не мерзли, по настоящему не голодали, не были по настоящему несчастными. Вы все золотые мальчики! Вы все одинаковые! Вам просто повезло родиться в ваших семьях. Я знаю, о чем говорю! Я мерз и голодал! И я еврей!

НУВЕЛЬ: Я... Я даже ничего не буду говорить... Ладно. Шура и правда, счастливчик. Левушка талантливый. Тоша ... это Серов, тут понятно. Сережа, ты... конечно, ты на редкость... Но ты молодец, ты всех нас растормошил... Да, сейчас неудача... Но были же и удачи! И еще будут! И у тебя есть Дима... какой он бы там ни был...

ФИЛОСОФОВ: Какой? Ну давай, Валичка! Дима все портит, Дима прокурор, Дима гувернантка, Дима убивает все живое! Дима ничего не понимает в искусстве, а куда-то все время лезет... Да? Вы же все так думаете! Вы особенные, а я обычный! И я вам все порчу! Вот ты, Сережа, спрашивал, зачем я хожу к Мережковским, что в них такого... Так вот, я объясню: это меня они считают особенным, понимаете? Для них я хороший, нужный, полезный и особенный!

ДЯГИЛЕВ: Ну так иди! Извини, что мы тут тебя задерживаем!

ФИЛОСОФОВ: И пойду! Потому что они меня ждут!

(выходит хлопнув дверью)

Бывшее

Все расходятся, прощаясь за руку с Серовым. Он остается за столом. Когда все разошлись, Дягилев возвращается — теперь он в светлых брюках и рубашке с расстегнутым воротом (это нужно для будущей сцены флешбека). По пути Дягилев закатывает рукава. Они с Серовым начинают передвигать мебель. Затем Дягилев садится за рояль и начинает потихоньку подбирать мелодию.

Параллельно с этим справа в глубине сцены — квартира Мережковских, где происходит Бывшее — домашнее богослужение и рождение новой церкви (по мнению Гиппиус). Гиппиус, Философов и Мережковский зажигают свечи, молятся, поят друг друга из чаши с вином и кормят хлебом, крестят и целуют друг друга — «каждый поцеловал каждого крестообразно: в лоб, в уста и глаза». Это может повторяться несколько раз. Постепенно эта часть сцены погружается в темноту.

ДЯГИЛЕВ (за роялем): Понимаешь... Ну вот у тебя, например, невеста... и ты знаешь, нужно немного подождать, и вот вы поженитесь... И все будет... Но только не будет... Потому что никогда... Это как бесконечная тайная помолвка. Всегда есть только сейчас... И это не только про... понимаешь, ведь это всё Дима... Ничего бы этого не было... и журнала бы не было...

Дягилев начинает петь, в процессе Серов уходит в темноту и исчезает. Возможно, Дягилев поет не всю песню, а только часть.

Помнишь, порою ночью...

(Музыка — Г. Гот, но существуют варианты других композиторов. Стихи — К.Р.)

ДЯГИЛЕВ:

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо Палаццо мы дожей,
Мимо Пьяцетты колонн
Плыли с тобою... О, Боже,
Что за чарующий сон!

Искрились волны лагуны...
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны -
Пел гондольер молодой;

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе,
Пел про любовь и весну.

Дивная песнь навевала
Грезы блаженной любви,

В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови...

Помнишь, порою ночную
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною...
О, что за ночь то была!

Флешбэк. Богдановское. 1890-е

Титр на экране: «Лето в имени Философовых Богдановское, 1890-е»). Входит Философов с книгой в руках. Он растрепанный, босиком, в легких летних брюках, в рубашке с расстегнутым воротом. Ложится на диван, закинув ноги на подлокотник, пытается читать.

Пение Дягилева продолжается и становится довольно невыносимым.

Философов морщится, не выдерживает и закрывает книгу (заложив палец на нужной странице). Встает с дивана, подходит со спины к Дягилеву, некоторое время, морщась, слушает. Улучив момент, когда Дягилев отрывает руки от клавиш, Философов захлопывает крышку и садится на нее. Смотрит на Дягилева. Дягилев некоторое время смотрит оторопело на Философова. Потом выхватывает у него из рук книгу.

ДЯГИЛЕВ: Так, что тут у нас? Ага, Оскар Уайльд. Понятно. «Портрет Дориана Грея».

Интересно. Почитаем! (читает, кривляясь с преувеличенным выражением, отмахиваясь от Философова, который пытается отобрать книгу, они начинают перемещаться по комнате) «И самые смелые из нас боятся самих себя. Каждый порыв, который мы сдерживаем, бродит в нашей голове, отравляя наш разум. Единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему. Если же ему сопротивляться, то душу будет разрушать желание того, что она сама себе запретила, жажда к тому, что она с помощью собственных уродливых правил объявила уродливым и непра...»

В этот момент Философову удается прижать Дягилева и поцеловать. Книга падает на пол. Затемнение.

Включается свет. Дягилев и Философов стоят далеко друг от друга — в разных углах.

ФИЛОСОФОВ: Вот опять Дима виноват, да? Дима все испортил!

ДЯГИЛЕВ: Нет. Не испортил. Я был счастлив. Мы были счастливы.

В редакции (следующий день)

За столом: Серов, Дягилев, Нувель, Бакст. Что-то горячо обсуждают.

Заходит Философов в пальто и молча стоит. Все замолкают, смотрят на него.

Все, кроме Дягилева и Нувеля, встают и уходят. Серов утаскивает слегка упирающегося Нувеля.

НУВЕЛЬ: Подожди, интересно же!

Дягилев молча смотрит на Философова. Философов смотрит в разные стороны. Снимает пальто, бросает его на ближайший стул. Садится на диван, максимально вжавшись в угол. Дягилев встает, подходит к дивану, и садится на другой конец, так же максимально вжавшись в угол.

Некоторое время они сидят так, молча. Философов с увлечением разглядывает потолок, стены, носки своих ботинок. Дягилев немного придвигается и кончиками пальцев касается Философова за ухом. Философов ежится, поднимает плечо к уху.

Дверной звонок.

ГИППИУС (за сценой): Мне очень нужно его увидеть!

Философов вскакивает и выходит.

Дягилев остается сидеть.

Входит Гиппиус.

ГИППИУС: Я бы хотела увидеть Дмитрия Владимировича!

ДЯГИЛЕВ: Я полагал, он с вами, Зинаида Николаевна...

ГИППИУС: Бросьте, ведь это его пальто на кресле. Он здесь.

(Пауза)

ГИППИУС: Мне нужно его видеть!

ДЯГИЛЕВ: Думаю, вам лучше уйти, Зинаида Николаевна.

Гиппиус стоит в задумчивости, Дягилев уходит в темноту. Гиппиус остается в ярком луче.

Монолог Гиппиус

ГИППИУС: Не люблю никого, когда у меня боль. Не люблю — но всех жалею. Жалко и Философова, который в такой тесной теме. Не могу ему помочь, он меня не любит и опасается. Я для него, в сущности, декадентская дама, подозрительная интриганка, а опасается он меня не более, чем сороконожки. А может, я к нему несправедлива? Он пропадет, для меня всё ясно. Надо сделать, что могу. *(пауза)* В октябре тысяча восемьсот девяносто девятого года Дмитрий Сергеевич Мережковский неожиданно пришел ко мне и сказал: «Нет, нужна новая Церковь». Мы после долго говорили, и выяснилось для нас следующее: Церковь нужна, как лик религии евангельской, христианской, религии Плоты и Крови. Мы двое, я и Дмитрий Сергеевич, хотя и двое, но во многом как бы один человек; и поскольку нас было двое — мы были сильны, а поскольку стали один — слабы. И надо нам было третьего, чтобы, соединясь с нами — разделил нас. Философов — первый, кто подошел к нам; единственный — который близок. Один — кто может помочь. Страшно было подумать и почти дерзко надеяться, что у него хватит сил на то признание внутренней связи важнее внешней, через которое он должен был переступить. Но было так: внутренне различные были внешне связаны: Философов, Нувель, Бенуа; а внутренне связанные: мы двое и Философов — были внешне разделены. Главное, — нерешенное, — лежало между нами. «Нерешенной» загадкой пола все были отравлены. И многие хотели Бога для оправдания пола. И Философов хотел для оправдания. Но сам не знал, что не только для этого. Христос — решенная загадка пола. Через влюбленность в Него — свята и ясна влюбленность в человека, в мир, в людей. Нувель был влюблен в Философова, но я тогда не знала. Он пришел ко мне и сказал: «А может быть, вы не Бога ищете, а Философова, потому что у вас к нему личное влечение». Испугавшись — я стала глядеть внутрь себя, но ничего не могла увидеть. Потому что влюбленность в Христа, как большой свет, заслоняла все в душе, и я не знала, что там. Еще Нувель сказал мне: «Если бы Философов точно знал, что вы в него не влюблены, — он потерял бы всякий интерес и к вам, и ко всему делу». А потом всё смешалось, стало смешным и ужасным, и нельзя уж было понять, где грех. Тогда я позвала Философова и говорила с ним. А он говорил о своей слабости, не замечая, что эта слабость — вольная. Я хотела схватить его за плечи и крикнуть: «Позор! Вы сильнее нас!» — но зачем? Разве он поверит? Быть слабым соблазнительнее... *(задумчиво садится на один из стульев, столб света гаснет)*

Религиозно-философское собрание

В редакции. Философов в пальто стоит у стола и собирает разбросанные листы в стопку.

ДЯГИЛЕВ: Ну и куда ты собрался?

ФИЛОСОФОВ: У меня собрание.

ДЯГИЛЕВ: Какое еще собрание?

ФИЛОСОФОВ: Религиозно-философское.

ДЯГИЛЕВ: Зачем?

ФИЛОСОФОВ: Ты все равно не поймешь.

ДЯГИЛЕВ: Почему это? И вообще, я тоже пойду. *(надевает пальто, оба выходят)*

Стол редакции передвигают на середину и в глубину — чтобы получился президиум. По бокам расставляют стулья для зрителей. На стулья рассаживается массовка. Среди них — Дягилев, Философов, Бакст, Бенуа. У Философова в руках пачка листов.

ГИППИУС *(она снова освещена)*: Расписываясь в книге, я вдруг увидела, рядом с Дягилевской, подпись: Философов. Мы никак не могли думать, что он поедет в Собрание. С ним был Дягилев и другие из «Мира искусства». Было много народу. Войдя, я села у дверей и не двигалась. Кто-то мне сказал: «Какое лицо у Философова! Краше в гроб кладут».

Философов встает с места, идет к столу президиума, подбрасывает листы в воздух. Начинается его музыкальный номер — это «Дитя порока» Бориса Моисеева.

Дитя порока
(Автор музыки и слов — Виктор Чайка)

ФИЛОСОФОВ:

Я прокушу мочку твоего уха,
И слизну кровь,
И стон твой обожжет мои вены,
И возникнет любовь, и будет она чистой,
потому что грязной любви не бывает.
Это говорю я, Дитя Порока.

Боль это все, что я могу тебе дать,
Боль и радость от этой боли,
Боль, рожденную в неволе,
Моих эротических снов,
Твоих эротических снов обо мне.
Со мной, со мной ты когда-нибудь будешь,
Надейся, но не надейся,
Что будешь когда-нибудь ты
Во мне, во мне, во мне.

Я любовь свою оставлю у порога
И небрежно улыбнусь в момент прощанья,
Потому что никогда дитя порока
Не полюбит непорочное создание.
Знаю я, что без тебя мне будет плохо,
И ничто не облегчит мои страдания,
Но, поверь мне, никогда дитя порока
Не полюбит непорочное создание.

Боль твою я заберу с собой,
А тебе оставлю немного радости,
И радуйся, что мы такие разные
И только чуть-чуть похожи
На остальных прохожих,
Верящих что все они непорочны.

И что есть порок, скажи мне восторженно
Разве это порок
Если вены мои обжигает твой стон,
Твой стон, твой стон?

Знаю я, что без тебя мне будет плохо,
И ничто не облегчит мои страдания,
Но, поверь мне, никогда дитя порока
Не полюбит непорочное создание.

На самом деле — это видение Гиппиус, Философов поет для нее, остальной зал и герои погружены во тьму. В процессе песни Философов жестом зовет Гиппиус к себе на стол. Она поднимается. Он то прижимает ее, то отталкивает. В конце Философов со стола падает на вытянутые руки десятка мускулистых молодых людей, и его уносят. На заднике медленно проявляется и подрагивает картина Врубеля «Демон поверженный».

Четвертая выставка картин журнала «Мир искусства», 1902

Входят Бенуа и Сомов.

БЕНУА: Ты знаешь, что Врубель каждый день приходит и его переписывает?

СОМОВ: Ты думаешь, это оно? Сумасшествие?

БЕНУА: А ты? Думаешь, это нормально?

СОМОВ: Да кто из нас нормальный, Шура? Каждый хотел бы переписать своих демонов.

Если бы мог.

Уходят. Картина гаснет.

Бакст и Гиппиус

Пустая редакция. ГИППИУС заходит и оглядывается. То ли из-под стола, то ли еще откуда-то, появляется БАКСТ. Он в пижаме и в халате (может быть, даже в дягилевском халате, который ему велик и волочится по земле). Гиппиус от неожиданности подпрыгивает и вскрикивает.

БАКСТ (*подходит к ней, весь воплощение галантности, целует руку*): Извините, совсем не хотел вас пугать!

ГИППИУС: А где же редакторы? Вы тут один?

БАКСТ: Да, мы с вами здесь совершенно одни. А вместо редакторов у нас я. Они меня уполномочили. Так что можете располагать мною, как вам заблагорассудится.

ГИППИУС: Но все-таки, где они? И когда их ждать? Когда Дмитрий Владимирович должен вернуться?

БАКСТ: Когда они вернутся, я вам пока не могу сообщить. Это неизвестно. Понимаете, после своей любимой Венеции они отбыли в санаторий известнейшего врача. Труд которого вы, разумеется, читали...

ГИППИУС: Крафт-Эбинг? Половая психопатия? Они в санатории Крафт-Эбинга?

БАКСТ: Именно. И пробудут они там неизвестно сколько. Потому что, по новейшим исследованиям, весьма вероятно, наши редакторы абсолютно неизлечимы. Так что я готов вам полностью их заменить... По мере сил... (*надвигается и начинает петь*)

Тум-балайка

(Автор неизвестен. Текст — компиляция из нескольких переводов с изменениями.)

БАКСТ: Милая, слушай, ты мне ответь:

Что может вечно, вечно гореть?

Что без дождя растёт и в мороз,
Что может плакать, плакать без слёз?

ГИППИУС: Парень, тебе я скажу не шутя:
Камень растёт без тепла и дождя,
Вечно гореть любви суждено,
Плакать без слёз может сердце одно!

БАКСТ: Что же в домах есть выше крыш?
Кто же быстрее, быстрее, чем мышь?
Что глубже колодца можно найти?
Горечью желчь может что превзойти?

ГИППИУС: Трубы в домах растут выше крыш,
Кошка быстрее, быстрее, чем мышь.
Глубже колодца закон глубиной,
Горечью желчь меньше смерти одной.

БАКСТ: Милая, дай ответ на вопрос:
Что нас согреет в лютый мороз?
Что без дождя в душе расцветает?
Что пред тобою плачет без слёз?

ГИППИУС: Как это просто, глупенький мой!
Греет любовь холодной зимой...
Сердце пусть плачет –
Но это не значит,
Что я когда-нибудь буду с тобой!

Во время песни они передвигаются вокруг стола. В конце концов Бакст догоняет Гиппиус и сжимает в объятиях. Она обмякает и готова сдаться. Но на последней фразе вырывается. И в тот же момент в редакцию входит НУВЕЛЬ

НУВЕЛЬ: О! Простите, что помешал. Пожалуй, я зайду попозже (*усаживается и смотрит выжидающе на Бакста и Гиппиус*)

БАКСТ: Мы тут обсуждали портрет. Думаю написать Зинаиду Николаевну, должно выйти эффектно. Даже, наверное, не портрет, а такой собирательный образ эпохи. Этакую современную даму без предрассудков.

ГИППИУС: Простите, я спешу. (*быстро выходит, расправляя и отряхивая платье*)

НУВЕЛЬ: Кажется, натура все-таки с предрассудками. Ее волнуют только мужчины, которым нет дела до женщин.

Пятая выставка картин журнала «Мир искусства», 1903

На стену проецируется картина Бакста «Ужин». Перед ней проходит публика. Видно, что зрители реагируют эмоционально: спорят, машут руками, смеются, толкаются. На краю сцены сидят Бакст, Бенуа и Дягилев. У Дягилева в руках газеты, он их листает.

ДЯГИЛЕВ: Думаю, Левушка, это твой звездный час: «Невыносимая вещь!», «Бакст — порнограф», «Кошка в дамском платье», «Фигура такая же противная, как у английского ломаки и уроды Бердслея». Поздравляю!

БЕНУА: И представляешь, он ведь писал ее с моей Ати.

ДЯГИЛЕВ: Да? Удивительно! Ни за что бы не догадался.

БАКСТ: А еще ты ни за что не догадаешься, что я...

ДЯГИЛЕВ: Собираешься жениться на младшей дочке Третьякова! Которая вдова.

Поздравляю еще раз!

БАКСТ (*разочарован*): Тебе Нувель сказал?

Дягилев кивает.

БЕНУА: Хранить секреты — это не к Валичке. Но ведь Любовь Павловна — православная, что ты собираешься делать?

БАКСТ: Мы с Валичкой работаем над этим.

ДЯГИЛЕВ (*достает из кармана часы*): Пора! Сегодня собрание в редакции с москвичами. Чувствую, будет буря.

Конец выставок «Мира искусства»

В редакции. Начинают собираться художники. Среди них Бенуа, Бакст, Серов, Сомов. Остальные — из массовой (можно взять портретно: Грабарь, Добужинский, Коровин, Билибин и т.д.). Народу очень много. Художники здороваются, общаются группами, потом рассаживаются. Два места в центре остаются пустыми. Приходят Дягилев и Философов. Садятся в центре.

ДЯГИЛЕВ: Начинайте, господа!

Сначала высказываются незнакомые художники.

1-Й ХУДОЖНИК: Мы считаем принципы отбора картин на выставки «Мира искусства» диктаторскими.

2-Й ХУДОЖНИК: И узурпаторскими.

3-Й ХУДОЖНИК: Мы считаем весьма неправильным подчинение всей выставки личному вкусу одного человека.

4-Й ХУДОЖНИК: Мы считаем, что каждый художник вправе сам выбирать, что он хочет выставить.

БЕНУА: Да, Сережа, я согласен. Мы больше не хотим отбор.

Бенуа залезает на стол и задает ритм, отбивая его ногой. Все за столом (кроме Дягилева и Философова) подключаются и отбивают ритм, хлопая по столу. Дягилев несколько раз делает попытку схватить Бенуа или самому залезть на стол, но Философов его останавливает.

I'm Gonna Do My Thing

(группа Royal Deluxe, авторы песни: Getz Sam, Weaver James William, Wells Tyrone N)

БЕНУА:

You're not the police

You're not the president

You're not the p-p-pope

And it's evident

So maybe you should let me be?

I'm gonna do my thing

I'm gonna do my thing

I'm gonna do my thing

You're not my doctor
You're not my hand to hold
You're not the CIA

I can't be bought and sold

I'm gonna do my thing
I'm gonna do my thing
I'm gonna do my thing

Can't you see
That you cannot control the man I am
I am not a puppet on your string
So maybe you should check yourself
Before you tell me what you think of me?
If I'm too hot to handle baby
Drop the heat
Cause this is me

I'm gonna do my thing
I'm gonna do my thing
I'm gonna do my thing
I'm gonna do my thing

Бенуа слезает со стола. Дягилев сидит с вытаращенными глазами. Философов спокоен, но криво улыбается.

ФИЛОСОФОВ: Ну и слава богу, конец, значит.

Все расходятся. На своих местах остаются: Дягилев, Философов, Серов. Бакст начинает суетиться, встает, ходит вдоль стола.

БАКСТ: Да это только к лучшему! Вот увидишь! Мы им еще покажем!

СЕРОВ (делает останавливающий жест): Левушка, не надо...

Дягилев вскакивает, комкает и швыряет на пол что-то оказавшееся под рукой. Всклипывая, выбегает. Философов пожимает плечами и выходит за Дягилевым. Затемнение.

Редакция. За столом сидит Философов. Входит Бенуа.

ФИЛОСОФОВ (зачитывает): «Журнал „Мир искусства“ своей обычной выставки более не устраивает. Новый „Союз художников“, который образовался из участников выставки „36-ти“ в Москве и большинства участников „Мира искусства“, устраивает свою выставку.

Отсутствие устава при крайне строгом жюри — таков был принцип выставок журнала „Мир искусства“. Строгий устав при отсутствии жюри — таковы основания нового „Союза“». Ты доволен, Шура?

БЕНУА: Понятно же, что это должно было случиться.

Вбегает Дягилев, бросает на Бенуа короткий уничтожающий взгляд.

ДЯГИЛЕВ: Дима, Серов умирает, мы едем в Москву. (Тут же начинает суетиться, приносит саквояж, укладываем в него бумаги со стола)

Философов не двигается и смотрит куда-то за Дягилева

На заднем плане в дверном проеме возникает фигура в черном. Это Гиппиус.

ДЯГИЛЕВ: Дима! Ты меня слышишь вообще? Серов умирает. *(ловит направление взгляда Философова и видит Гиппиус в дверях)*

Философов делает жест, мол, подожди, и идет к Гиппиус. Они неслышно разговаривают с на заднем плане. Дягилев продолжает собираться, периодически оглядываясь на них. Затем Гиппиус остаётся в дверях, а Философов возвращается к Дягилеву.

ФИЛОСОФОВ: Я не еду. У Зины умерла мама.

ДЯГИЛЕВ: И что?

ФИЛОСОФОВ: Я не могу ехать.

ДЯГИЛЕВ *(продолжая собираться)*: Почему?

ФИЛОСОФОВ: У Зины умерла мама.

ДЯГИЛЕВ: И что?

ФИЛОСОФОВ: Что?

ДЯГИЛЕВ: Ну, она же уже умерла. А Тоша еще не умер. А может умереть.

ФИЛОСОФОВ *(оторопело)*: Я не понимаю, ты это серьезно, или притворяешься?

ДЯГИЛЕВ: Это я не понимаю, ты серьезно, или притворяешься?

ФИЛОСОФОВ *(разводит руками и пожимает плечами)*: Ты поедешь один. Я приеду позже. Как смогу. Я постараюсь.

Философов подходит к Гиппиус и они вместе уходят. Дягилев замирает в недоумении.

Потом отмирает и продолжает укладываться. Затемнение

Болезнь Серова

Два параллельных действия — слева жизнь редакции: Бенуа и Нувель работают с бумагами (позднее придет Дягилев, а затем Бакст). Справа — Москва, больница. Больничная кровать на колесиках. Рядом тумбочка. На кровати лежит СЕРОВ в пижаме. Рядом с кроватью на стуле сидит Дягилев. Входит Философов. Они некоторое время молча смотрят друг на друга. Дягилев уходит (и через некоторое время появляется в редакции). Философов садится на его стул. Серов просыпается.

СЕРОВ: Дима, здравствуй! Тут вот бумага... Я хотел бы, чтобы ты подписал.

ФИЛОСОФОВ: Это...

СЕРОВ: Завещание. *(протягивает Философову лист)*

ФИЛОСОФОВ *(читает)*: «Все мое движимое и недвижимое имущество завещаю в полную собственность жены моей Ольги Федоровны Серовой».

СЕРОВ: Москва, 24 ноября 1903 года. Академик Валентин Серов.

Философов пристраивает бумагу на тумбочке и подписывает.

Заходят врачи (3-4 человека) и смотрят на Серова вопросительно. Серов кивает. Врачи смотрят на Философова. Он прощается с Серовым жестами и выходит. Врачи окружают кровать Серова и начинают операцию. В этот момент Серов должен незаметно вылезти с обратной стороны из кровати. Он выходит на середину и начинает петь.

Море

(Автор музыки и слов — Петр Налич)

На бескрайнем морском просторе

Светят звёздами маяки

С тихой песней мы уходим в море

Подпевай, друзья-моряки.

Ла-ла-ла...

Тёплый ветер качает лодку

Над водою стоит туман

Не забуду я твою походку,
Как не забуду я твой обман

Ты сегодня всю ночь гадала
Милая, с кем же будешь ты,
Карты по полу раскидала
Ты в щепки разбила мои мечты
Ла-ла-ла...

Волны бьются всё выше и выше,
Мне теперь всё равно...
Больше меня никто не услышит
С тихой песней мы уходим на дно.
Ла-ла-ла...

Буду лежать я на дне океана
В мире беззвучной красоты
Будут надо мной проплывать капитаны
С которыми быть может гуляешь ты.

Ты сегодня всю ночь глядела
На волны бегущие за кормой
Там, в глубине ты увидела тело...
Да, это я. Я всегда с тобой.
Ла-ла-ла...

*Пока Серов поет, остальные его не видят и не реагируют. Но он может с ними взаимодействовать — как бы танцевать с ними, вести их, жалеть и т. д.
В редакции: возвращается Дягилев. Беззвучные диалоги: Нувель и Бенуа спрашивают, как дела, Дягилев пожимает плечами.
Приходит Бакст — он нарядный, в свадебном фраке, оживлен. Тормошит всех. Они сдвигают стол. Торжественно останавливаются — Бакст впереди, остальные за ним. И с другой стороны сцены навстречу Баксту идет НЕВЕСТА. Бакст и Невеста встречаются посередине, становятся на колени. Серов их «венчает» (это все происходит в процессе песни). Серов машет и возвращается на больничную кровать. Врачи увозят кровать. Бакст и невеста встают, берутся за руку. Бакст целует невесту. Они уходят. Остальные ставят на место редакционный стол и расходятся. Кроме Дягилева, который садится на свое место в центре.*

Секретарь

Входит СЕКРЕТАРЬ со стопкой документов и кладет ее перед Дягилевым. Они что-то неслышно обсуждают. Входит Философов в пальто и с саквояжем. Секретарь выходит.

ДЯГИЛЕВ: Как Тоша?

ФИЛОСОФОВ: Лучше. Разрешили вставать. У нас что, новый секретарь?

ДЯГИЛЕВ: Это у меня новый секретарь.

ФИЛОСОФОВ: Понятно. У тебя новый секретарь.

ДЯГИЛЕВ: И вообще, на днях мы уезжаем. Едем собирать портреты.

ФИЛОСОФОВ: Кто это «мы»? Ты и секретарь?

Дягилев закатывает глаза.

ФИЛОСОФОВ: Понятно. А как ты успеешь с журналом?

ДЯГИЛЕВ: А мы с Шурой поделили номера. Половину он редактор, половину — я. У него исторические, у меня современное искусство.

ФИЛОСОФОВ: Понятно. Вы с Шурой поделили номера. Знаешь, а со мной Мережковские поделили «Новый путь». Раз вы тут так отлично без меня справляетесь, пойду делать «Новый путь». А то вам же я только все порчу. *(выходит)*

ДЯГИЛЕВ *(вслед, неуверенно)*: Дима! Ладно.

Портрет

В глубине сцены туда-сюда ходят Дягилев и секретарь. К ним выходят разные люди. На стене проецируются усадьбы, галереи портретов, карта России и т. д. Это путешествие Дягилева по России, когда он собирает портреты для исторической выставки.

Редакция. Нувель разбирается с бумагами. Бакст в рабочей блузе приносит мольберт, ставит на него холст (обратной стороной к нам) и раскладывает инструменты. Выходит, приводит НЯНЮ, усаживает. Входит Дягилев.

ДЯГИЛЕВ: Привет счастливому молодожену! Как твоя семейная жизнь? Вспоминаешь холостяцкие денечки?

БАКСТ: Семейная жизнь восхитительна!

НУВЕЛЬ: Особенно, когда жена уехала на воды...

БАКСТ: Да, и теперь, Сережа, пока у меня есть время, ты не отвертишься!

НУВЕЛЬ: Время, свободное от семейных ссор...

БАКСТ: Мы должны закончить твой портрет.

ДЯГИЛЕВ: Ну ладно, опять туда вставить?

Бакст кивает. Входит Серов с небольшим чемоданчиком, его все окружают, здороваются за руку, обнимают. К няне Серов подходит сам и тоже здоровается за руку.

СЕРОВ *(разглядывая портрет)*: Левушка, мне очень нравится!

БАКСТ: Ура! Ты же согласен, что няня нужна? Что это не слишком? А то как Пушкин?

НЯНЯ: Валентин Ляксандрыч, да скажите им, что не надо меня, у меня ж ягоды портятся, варенье варить!

ДЯГИЛЕВ *(рыкает)*: Няня, сиди!

Все укоризненно смотрят на Дягилева.

БАКСТ: Сережа, встань на место!

СЕРОВ: Да как же без вас, Авдотья Ляксандровна? Без вас же тут пусто будет. Композиция, понимаете ли!

НЯНЯ: Ох, эти мне ваши композиции, напридумывают, а ты сиди!

СЕРОВ: Хорошо, Авдотья Ляксандровна, я когда буду вашего Сережу писать, я уж без вас! Не буду отвлекать вас от варенья.

БАКСТ: Сережа, Тоша тоже тебя напишет!

ДЯГИЛЕВ: Только ты меня по другому напиши, а то у Бакста я толстый. Лёва, я же просил!

БАКСТ: Ты и так уже стоишь боком, стой и не мешай!

Входит Философов. Здоровается с Серовым и обнимает его.

БАКСТ: Дима, объясни Сереже, что на портрете он не толстый!

ФИЛОСОФОВ: Сережа, твоя проблема не в том, что ты толстый! Ты хоть понимаешь, как ты себя ведешь? Ты вообще представляешь, что о тебе говорят? Это уже не слухи, Сережа. Уже все знают, что Дягилев выгуливает какого-то студента.

ДЯГИЛЕВ: Чья бы корова, мычала, Дима. Как твой менаж-а-трау, не жмет?

ФИЛОСОФОВ: Знаешь, есть разница.

ДЯГИЛЕВ: Конечно, ваша же троица исключительно высокодуховная. Правда, никто в это не верит.

ФИЛОСОФОВ: Главное, ты в это не веришь.

ДЯГИЛЕВ: Да, я в это не верю.

БАКСТ: Всё, Сережа, замри. Сейчас у тебя какое надо лицо.

Бакст пишет, Дягилев и няня позируют. Серов и Философов садятся за стол и что-то обсуждают. Нувель выходит.

Квартира Бенуа. Сомов и Бенуа роются в книгах и альбомах. Приходит Нувель.

НУВЕЛЬ: Шура, а ты согласен, что журнал — всё?

СОМОВ: Уже решено?

БЕНУА: Да, только выпустим оставшиеся номера, и — конец. Деньги кончились. Субсидия прекращена из-за русско-японской войны. Слушай, мы ведь все уже от него давно устали.

Вон — один редактор портреты собирает, другой новый путь ищет...

НУВЕЛЬ: А третий?

БЕНУА: Я что ли? Я не знаю... Это ведь их детище, хотя идея-то моя... Но когда Тенишева сказала, что даст им денег, если никакого Бенуа в редакции, а вместо Бенуа — Рерих, было обидно. Даже очень.

СОМОВ: А они?

БЕНУА: Согласились, конечно.

СОМОВ (*хмыкает*): Конечно.

БЕНУА: Так понимаешь, они согласились на словах. А на деле, когда княгиня увидела план издания, а там опять я...

НУВЕЛЬ: И никакого Рериха?

БЕНУА: Совсем никакого. И всё. На том и закончилось. Так что...

Кровавое воскресенье

Выстрелы за сценой, шум, крики людей. Кровавое воскресенье. Можно сделать толпу прямо на сцене. Наконец, все стихает.

В редакции. За столом Дягилев. Входит Серов.

СЕРОВ: Я увольняюсь из академии. Они стреляли в безоружных людей. Это было прямо под нашими окнами.

Входит Бенуа.

БЕНУА: Сережа, мы уезжаем. Я зашел попрощаться.

ДЯГИЛЕВ: Шура, ты что? Вот так сразу? А как же открытие выставки! Это должно быть грандиозно! Ты не можешь такое пропустить.

БЕНУА: Знаю. Но понимаешь... А вдруг стачки? И ты ведь знаешь, что мой сын болеет. Врач всё-таки подозревает малярию... Петербургский климат... И мы уже всё собрали... И...

(обнимаются, Бенуа выходит)

Историческая выставка портретов

На стену проецируются портреты, они могут меняться. Перед ними степенно прогуливается нарядная толпа. В толпе — Дягилев, он активно общается, что-то показывает и объясняет.

Официанты собирают большой стол, накрывают его белой скатертью, сервируют банкет в честь Дягилева. Толпа с выставки перемещается за стол. Все рассаживаются, Видно, что говорят и поздравляют Дягилева. Общий гул. Дягилев встает, все стихает.

ДЯГИЛЕВ: Признаться, для меня это столь же большая честь, сколь и неожиданность. Нет сомнения, что всякое празднование есть итог, всякий итог есть конец. Не чувствуете ли вы, что длинная галерея портретов великих и малых людей, которыми я постарался заселить великолепные залы Таврического дворца, — есть лишь грандиозный и убедительный итог подводимый блестящему, но, увы и омертвевшему периоду нашей истории? Я заслужил право сказать это громко и определенно, так как с последним дуновением летнего ветра я закончил свои долгие объезды вдоль и поперек необъятной России. Я совершенно убедился, что мы живём в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмёт от нас то, что останется от нашей усталой мудрости. Мы — свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой, неведомой культуры, которая нами возникнет, но и нас же отметёт. А потому, без страха и недоверья, я подымаю бокал за разрушенные стены прекрасных дворцов, так же как и за новые заветы новой эстетики. И единственное пожелание, какое я, как неисправимый сенсуалист, могу сделать, чтобы предстоящая борьба не оскорбила эстетику жизни. И чтобы смерть была так же красива и так же лучезарна, как и Воскресение!

Бурные аплодисменты. Все поднимают бокалы и чокаются. Постепенно все расходятся. Официанты переставляют столы. Дягилев пересаживается за отдельный столик, вместе с ним Бакст, Нувель и секретарь. Входит Философов. Заметно, что он пьян. Машет друзьям.

ФИЛОСОФОВ: Как прошло?

НУВЕЛЬ: Феерично! Сережа сказал, что он неисправимый сенсуалист.

БАКСТ: Закоренелый.

НУВЕЛЬ: Убежденный!

ФИЛОСОФОВ: А ты, Левушка?

БАКСТ: Я развожусь.

НУВЕЛЬ: Не слушай, они уже третий раз разводятся.

БАКСТ: Четвертый! Но теперь уже точно.

НУВЕЛЬ: Ага, точнее некуда.

БАКСТ: Я прирожденный холостяк-одиночка, я не создан для семейной жизни...

ДЯГИЛЕВ: Ой, а я еще помню, когда ты пел все наоборот.

ФИЛОСОФОВ: Да какая разница, кто женится, кто разводится... Кто с кем спал... Можно подумать, это вообще кого-то интересует... Вот как будто тебе, Сережа, интересно, спал ли я с Зиной...

ДЯГИЛЕВ: Интересно. Очень.

НУВЕЛЬ и БАКСТ (*хором*): И мне! И мне!

ДЯГИЛЕВ: Как вы там справились с вашими высокодуховными идеями? Достаточно ли идейно у вас всё получилось?

ФИЛОСОФОВ: А я вам скажу... (*берет графин на столе, собирается налить, видит, что он пустой*) Официант, повторите! (*пауза*)

НУВЕЛЬ и ДЯГИЛЕВ: Ну?

ФИЛОСОФОВ: Да. То есть... я пытался... мы пытались... Она пыталась.

ДЯГИЛЕВ: И ничего не вышло...

ФИЛОСОФОВ: Нет, почему же... вышло... то есть вошло...а потом вышло... Официант!

НУВЕЛЬ: Плохо вышло?

ФИЛОСОФОВ: Знаешь, ей вроде понравилось.

НУВЕЛЬ: А тебе?

ФИЛОСОФОВ: Ох... Понимаешь, это такое специфическое чувство... Сродни брезгливости... Зина сказала, что я должен быть чувственно сознательным... во имя духовности... Мы же едем вместе в Европу... На несколько лет... Я не понимаю... Что такое чувственно сознательный? Валечка, ты чувственно сознательный?

НУВЕЛЬ: Нет, Дима, я чувственно не сознательный... *(Философова начинает тошнить, он склоняется под стол)* Так, а Дима уже чувственно бессознательный... Пора...

Дягилев и секретарь пытаются оторвать Философова от стула.

ФИЛОСОФОВ: Сережа, мне нравится твой секретарь... *(в этот момент его ставят на ноги)* Такой сильный!

ДЯГИЛЕВ: Дима, замолчи, а? Пошли, будешь спать у нас...

ФИЛОСОФОВ: А вы возьмете меня к себе в кровать? Я боюсь один. Вдруг Зина опять придет?

Уходят, затемнение.

Редакция. На диване спит укутанный в плед Философов. Он просыпается, приподнимается и в недоумении оглядывается вокруг. Входит Дягилев, на ходу пытаясь вставить запонки, у него не получается. Философов садится на диване, подставляет ладонь. Дягилев кладет в нее запонки и протягивает манжет. Философов с трудом вставляет первую запонку.

ДЯГИЛЕВ: Слушай, если тебя тошнит от нее, зачем ты вообще собираешься ехать с ними за границу? Герценствовать? *(протягивает второй манжет)*

ФИЛОСОФОВ *(вставляя запонки)*: Ты не поймешь. Это другое.

ДЯГИЛЕВ *(как рыба несколько раз открывает и закрывает рот)*: Ну конечно! А мама что сказала?

ФИЛОСОФОВ: Она не знает еще.

Входит секретарь

ФИЛОСОФОВ: Доброе утро!

ДЯГИЛЕВ *(шипит)*: Даже не думай!

ФИЛОСОФОВ: Видишь, ты тоже должен быть, рад что я уезжаю. *(встает, пытается пригладить рукой волосы, отряхивает одежду)*

Вбегает Нувель, размахивая газетой

НУВЕЛЬ: Вы знаете, что это? Это Высочайший манифест! Это же почти конституция!

Свет начинает мигать и гаснет.

Няня приходит с горящей свечкой в одной руке, и еще с несколькими не горящими в другой. Расставляет их на столе и зажигает. Слышны крики и выстрелы.

ДЯГИЛЕВ: Похоже манифест не всем понравился. Теперь опять будем сидеть без света.

НУВЕЛЬ: И рестораны закроются...

ФИЛОСОФОВ: Вас только рестораны и волнуют! Вы не видите дальше своего носа! Вы вообще ничего не понимаете, что происходит!

НУВЕЛЬ: Так объясни! Ты же умный!

Философов выбегает, хлопнув дверью.

НУВЕЛЬ: Наверное, побежал Россию спасать.

Мастерская Сомова. Электричества нет. Горят свечи. Сомов моет кисти в мисочке и протирает их тряпкой. Рядом сидят Нувель и Бакст.

БАКСТ: А я люблю разврат. Это бодрит. Такая ясность в голове наступает сразу. Костя, вот не жалко тебе, что ты столько лет потратил на дам?

СОМОВ: Мои дамы меня покинули. Знаешь ведь, что Лиза Мартынова умерла? Остроумова вышла замуж... Теперь она Остроумова-Лебедева.

НУВЕЛЬ: За двоюродного брата вышла. Кстати, представляешь, Сережа...

СОМОВ: Я не хочу про него ничего знать... *(долго смотрит на Нувеля)*

НУВЕЛЬ: Подожди, дело в том что Дима...

СОМОВ: И про этого тоже.

НУВЕЛЬ: Серьезно?

СОМОВ: Абсолютно.

БАКСТ *(догадывается)*: По-моему, мне пора. *(выходит и тут же возвращается обратно)*
Видит, что Нувель и Сомов не сдвинулись, но выглядят лукаво.

БАКСТ: Ну, что же вы! Давайте, начинайте, я же ушел!

Сомов швыряет в Бакста тряпкой, которой вытирал кисти. Бакст исчезает. Затемнение.

Редакция. Проходит секретарь, за ним Философов.

СЕКРЕТАРЬ: Сергея Павловича сейчас нет, он еще не скоро вернется...

ФИЛОСОФОВ: А я не к нему, я только взять бумаги. *(просматривает стопку на столе)* Они где-то в архиве... *(уходит в заднюю дверь и тут же высовывается обратно)* Подержите мне лестницу?

Секретарь скрывается за дверь.

Приходит Нувель, садится за рояль и поет

**Твои глаза подобны морю
(Музыка Бориса Полоскина. Стихи А. Саджая в пер. Е. Евтушенко)**

Твои глаза подобны морю,
Я ни о чем с тобой не говорю
Я в них гляжу с надеждой и любовью
Пытаясь угадать судьбу свою.

Там мечутся огни и тени
Чем глубже в них, тем тише и светлей,
Там силуэты зыбкие растений
И мачты затонувших кораблей.

Я не ропщу и не обманут,
Я ничего хорошего не жду.
Пусть мой корабль туда еще не втянут,
Я сам его на камни поведу.

Свои страдания и муки
Благословлю я в тот последний час.
И я умру, умру раскинув руки
На темном дне твоих зеленых глаз.

В конце слышится грохот из-за сцены. Нувель вскакивает из-за рояля и идет к задней двери, собирает ее открыть, и тут из нее выскакивает взъерошенный и растрепанный секретарь. Виногато смотрит на Нувеля и робко бочком вдоль стеночки уходит. Нувель заглядывает в дверь. Из нее выходит демонстративно спокойный и неторопливо управляющийся Философов.

НУВЕЛЬ: Ну и как?

ФИЛОСОФОВ: Что? *(пауза)* Только попробуй рассказать Сереже!

Нувель пожимает плечами, Философов выходит. Редакция превращается в ресторан

Ресторан «Донон»

Столы со скатертями в пол. Оркестр: 3-4 человека (цыгане), один обязательно с бубном, можно еще тарелки, и этим потом подзвучивать драку. Официанты накрывают столы. Публика рассаживается. Все очень чинные, кроме оркестра. Музыканты ведут себя разухабисто и залихватски.

Входит официант, за которым идут Гиппиус и Философов. Официант проводит их к столику на переднем плане. Философов отодвигает стул Гиппиус и усаживает ее. Садится сам. Они неслышно делают заказ, который официант записывает в блокнотик. Официант выходит, и практически сразу возвращается с уже налитыми бокалами шампанского. Оркестр, игравший до этого что-то веселое, стихает, у музыкантов перерыв, и становится хорошо слышно разговор Гиппиус и Философова.

ГИППИУС: То есть ты решился ехать? И твоя мама согласна?

ФИЛОСОФОВ: Да, всё словно само складывается: она как раз собиралась отправиться на воды, и по дороге заехать к моей сестре. Так что мы решили, что выезжаем вместе. А потом я буду ждать вас в Париже. Пока вы с Дмитрием доберетесь, я успею снять квартиру.

ГИППИУС (поднимает бокал): За нас! И чтобы всё получилось!

Они чокаются и отпивают немного. Ставят бокалы на стол. В этот момент из противоположного угла к их столу начинает пробираться ДЯГИЛЕВ. Цыганский оркестр начинает играть еще более залихватскую мелодию (она должна органически и ритмически подходить к пробирающемуся к столу свирепому Дягилеву).

Дягилев уже у стола. Философов успеваает за секунду до того, как Дягилев сдернет со стола скатерть, поднять со стола бокалы. Дягилев сдергивает скатерть. Тишина и пауза как стоп-кадр: Философов с бокалами, Дягилев со скатертью в руках. (похоже на корриду). В следующую секунду Философов сует оба бокала в руки Гиппиус, и начинает пятиться от Дягилева между столиками. Выбегают со всех сторон официанты, они пытаются остановить и скрутить Дягилева, но он сначала довольно успешно их стряхивает на столы публики. Возникают очаги разборок между публикой и официантами. Тем временем Гиппиус успеваает выпить сначала один бокал, потом другой, и тоже устремляется к хаотично перемещающейся группе из Философова, Дягилева и официантов. Во всё это органично вписывается оркестр со своей игрой.

В конце концов Дягилева все-таки скручивают и кладут на пол, его держат сразу несколько официантов, двое или трое из которых на нем просто сидят. Остальные извиняются перед публикой и выводят людей. Оркестр стихает.

ФИЛОСОФОВ (наклоняясь к Дягилеву): Сережа, надеюсь тебе хотя бы сейчас стыдно!

ДЯГИЛЕВ: (что-то невнятно рычит).

Философов демонстративно перешигивает через Дягилева, подает локоть Гиппиус, она берет его под руку, они выходят.

Официанты постепенно отпускают Дягилева, проверяя, что он больше не буйный и уводят за сцену. Оставшиеся официанты наводят порядок, складывают скатерти, раздвигают столы. Сцена превращается в вокзал.

Пока идет уборка, освещается рояль. Выходит Гиппиус с гитарой (или без, тогда ей кто-то аккомпанирует на рояле), садится на рояль и поет.

**«На последнюю пятерку»
(Народная песня)**

ГИППИУС:
На последнюю пятёрку,
Пару борзых лошадей.
Дам я кучеру на водку:
Эх, давай, брат, поскорей!

Мчатся кони, мчатся лихие,
Колокольчики звенят,
Вьются кудри золотые,
Очи синие блестят.

Вокзал. Прощание.

Проекция поезда, из двери выходит Дягилев в пальто и цилиндре, его встречает Нувель

НУВЕЛЬ: Знаешь, что Дима сегодня уезжает с Варшавского?

ДЯГИЛЕВ: Как сегодня? С Варшавского? Когда?

НУВЕЛЬ: В полдень. Через час.

ДЯГИЛЕВ: Я успею. Чемодан заberi! Извозчик! *(убегает)*

Затемнение.

ГИППИУС:
Чего-то нет, чего-то жаль,
Куда-то сердце мчится вдаль,
Я вам скажу один секрет:
Кого люблю — того здесь нет.

Выбегает Дягилев. Мечется, озирается.

ДЯГИЛЕВ: Дима!

На задник проецируется вагон поезда, дверь открывается, выходит Философов, бледный, испуганный, растерянный.

ГИППИУС:
Понапрасну, мальчик, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь,
Ничего ты не получишь,
Дурачком домой пойдешь.

Философов решительно подходит вплотную к Дягилеву, поднимает свой воротник, поднимает воротник на пальто Дягилева, и держа его двумя руками за воротник, целует или прижимается лбом (нам не видно). Звонок отправления поезда. Философов отпускает Дягилева, заходит в дверь. Проекция вагона гаснет, звук поезда, сначала набирающего скорость, потом удаляющегося.

ГИППИУС:
Я вам скажу один секрет:
Кого люблю, того здесь нет..
Я вам скажу секрет другой:
Кого люблю — тот будет мой!

Дягилев стоит спиной к зрителям, задрав голову (так делают, чтобы слезы закатились обратно). Поеживаясь, медленно уходит.

Последняя выставка «Мира искусства».

Выходят Дягилев и Бакст. Бакст несет в руках картину, Дягилев — две (обратной стороной к нам, мы не видим, какие картины). Они ставят картины на пол у стены, так же обратной стороной к нам. На задник проецируется «Портрет Сергея Дягилева с няней» Бакста.

Дягилев и Бакст смотрят на него. Дягилев с энтузиазмом потирает руки.

ДЯГИЛЕВ: Представляешь, какой будет скандал? Я уже слышу, как они все будут визжать...

Он входит в луч проекции и принимает позу с портрета, сливаясь с ним.

Затемнение. Столы снова собираются в большой редакционный стол.

Эпилог

Выходит БЕНУА и садится в кресло на переднем плане.

БЕНУА: Конечно, все они визжали. Сережа торжествовал. Осенью он повез лучшее с этой выставки в Париж, через год — привез концерты русской музыки, еще через год — оперу. «Бориса Годунова» с Шаляпиным. А еще через год — балеты. И Вацлава Нижинского. Но это уже совсем другая история.

Приходит СЕРОВ и садится за пустой стол с левого края. Достает блокнот и что-то зарисовывает.

БЕНУА: Тоша... Он ушел самым первым. Всего 46 лет. Обычное утро, играл с младшей дочкой, собирался идти на сеанс... Он тогда писал портрет жены князя Щербатова... И вот.

Сыну пришлось звонить князю: папа извиняется, но он не сможет прийти. Он умер. А я не успел с ним помириться. Совсем. Из-за Шахерезады. Я тогда со всеми поссорился... Сережа решил... Они все решили, что Шехерезада — это Левушкин балет! Они все! И Серов. И вот.

Приходит БАКСТ, заглядывает в блокнот к Серову, садится рядом, они что-то активно обсуждают.

БЕНУА: Левушка... Знаете, он правда стал, кем хотел: самым знаменитым художником на свете. На какое-то время. Был ли он от этого абсолютно счастлив? Не знаю. По крайней мере, он смог купить все галстуки, которые хотел. Правда, перед кончиной его чуть не обобрала коварная сиделка. А с женой он все-таки развелся. Не сразу, прошло еще несколько лет, они даже успели родить сына. И с Сережей разругался насмерть. После «Спящей красавицы» в 1921-м.

Дягилев входит с царственным видом, все поворачиваются к нему, приветствуют.

БЕНУА: Помните, Сереже нагадали про воду? Или я вам не рассказывал? Что гадалка сказала, что он умрет на воде? Так вот, он так и не утонул. Хотя даже плавал на корабле в Америку. Сидел все время в каюте в спасательном круге, а своего слугу заставлял молиться на палубе. Чтобы они не утонули. И они тогда не утонули. А умер Сережа в своей любимой Венеции. В своем любимом отеле на острове Лидо, да. В августе. Было жарко, но его бил

озноб. Когда он умер, его мальчишки, Лифарь и Кохно, тут же подрались. А за похороны заплатили Мися Серт и Шанель.

Сомов приходит и подсаживается к Серову и Баксту.

БЕНУА: Пройдет еще несколько лет, прежде чем Костя встретит, наверное, самого важного человека в своей жизни. Мефодия Лукьянова. 20 лет вместе. Хотя у них всё не так уж просто. Миф уехал в эмиграцию намного раньше. А Костя — только когда отправился в командировку в Нью-Йорк, вместе с выставкой русского искусства. Но догадывался, что не вернется. Остался в Париже. Миф потом умер у него на руках, хотя был намного моложе. Туберкулез. А сам Костя рисовал до последнего дня.

Философов приходит, садится между Сомовым и Дягилевым.

БЕНУА: Философов прожил с Мережковскими 15 лет. Бросил их в Варшаве по дороге в Париж, когда они эмигрировали после революции. Гиппиус удивилась. Наверное. Дима так и остался в Польше, ударился в политику. Издавал газету. Собирался свергать большевиков. Однажды случайно встретил на улице Сережу, когда тот приехал в Варшаву искать новых артистов. Говорят, им было нечего сказать друг другу.

Нувель вбегает вприпрыжку, наводит шорох, тормозит всех. Все улыбаются друг другу, переговариваются не слышно. Замолкают и смотрят на Бенуа.

БЕНУА: Валичка работал у Сережи до самой его смерти. И разбирался потом с его долгами. А еще внезапно разбогател на склоне лет — получил огромное наследство от сестры. Но не очень обрадовался — говорил, слишком поздно. Она была замужем за Геккерном, родственником того самого... Который с Дантесом... Который Пушкина...

Бенуа виновато и в нерешительности смотрит на друзей и продолжает рассказывать публике.

БЕНУА: А я... После революции я думал... Я пытался... Руководил Эрмитажем... Но все-таки, мы уехали и поселились в Париже. И это было совсем не плохо. Старые друзья снова вместе. По крайней мере, мы трое: Костя, я, Валичка... Мне суждено было пережить всех моих друзей. Самое печальное, я пережил мою обожаемую Атю... Потом... Я все равно старался работать... Писал мемуары... Кажется, вышло неплохо? *(оглядывается на друзей за столом)*

ДЯГИЛЕВ: Пора, Шура, пора!

Бенуа идет к столу и садится между Дягилевым и Нувелем.

ДЯГИЛЕВ: Все собрались? Давайте работать!

*Некоторое время они тихо переговариваются, хихикают и роются в бумагах, что-то показывают в них друг другу. Потом замолкают и смотрят в зал. **Играет вальс «Невозвратное время».***

Затемнение.

Москва, 2021 год.